This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

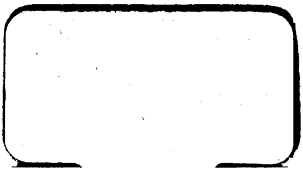
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4350.4.1435

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library



OPB

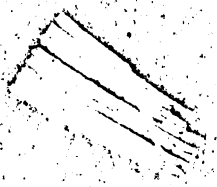
A. S. PUSHKIN KAK LIUBITEL' ANTICHNAGO MIRA I PEREVODCHIK DREVNE-KLASSICHESKIKH POETOV

P. N. Cherniaev.

UNIVERSITY MICROFILMS, INC.
Ann Arbor London

#801
87M
#10.00

THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROX BY UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1961



8089

Chernyaev, Pavel Nikolaevich.
2 Таб. Чернявъ.
Slav 4350.4.1435
A.S. Pushkin

А. С. Пушкинъ,

какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ поэтовъ.

(26 Мая 1799—26 Мая 1899 г.).

Изданіе Бр. Башмаковыхъ.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY MAY 16 1961

КАЗАНЬ.
Типографія П. К. Хидалинскаго, Владимірская, с. д.
1899.

PG3352
.C5

Дозволено цензурою. Г. Казань, 1 Апрѣля 1899 года.

104837
'07

Въ настоящее время, когда истекаетъ сто лѣтъ со дня рожденія Пушкина и когда не только вся Россія, начиная съ Императорской Академіи Наукъ и кончая сельской школой далекой Сибири, но и всѣ славянскія земли Европы собираются справить праздникъ столѣтія со времени появленія на свѣтъ русскаго поэтическаго вдохновенія, геніальнаго и великаго, можно съ полной увѣренностью признаться, что послѣ трагической кончины Пушкина еще не появлялось въ цѣломъ мірѣ генія, равнаго ему по поэтическому таланту. Геній Пушкина пріобщилъ насъ ко всемірной культурѣ, къ современному водовороту европейской мысли; его талантъ заявилъ о себѣ во всемъ мірѣ, и этотъ талантъ не преходящъ, онъ незыблемъ, вѣченъ, какъ свѣтъ дня, какъ голубая лазурь неба, какъ цвѣтущая зелень лѣта, какъ бѣлый коверъ зимы, какъ красота, прелесть и роскошь природы вселенной.

Поэтъ уже погибъ, но творенія его живы: имъ даровано безсмертіе... «Прійдетъ время, писалъ Бѣлинскій (VIII, 701), когда Пушкинъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по тво-

реніямъ котораго будутъ образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство».

— И это время пришло: о Пушкинѣ писали, пишутъ и еще долго будутъ писать, его сочиненія даютъ массу самаго разнообразнаго матеріала; Пушкинская литература растетъ съ каждымъ днемъ, но у поэта еще много такого, о чемъ можно много говорить и что можно разсматривать со многихъ сторонъ.

Предполагаемое къ открытію Лицейское Пушкинское Общество между прочимъ задалось широкими цѣлями—1) собирать всевозможные фактическіе матеріалы, касающіеся жизни и дѣятельности поэта и 2) составлять и вызывать къ составленію критическихъ статей, разъясняющихъ значеніе поэта со всѣхъ сторонъ: исторической, эстетической, нравственной и философской.

Достиженіе намѣченныхъ цѣлей возможно, конечно, лишь при дружномъ содѣйствіи многихъ лицъ, всецѣло отдавшихся изученію сочиненій великаго поэта.

Любовь—главный мотивъ Пушкинской поэзіи и поэзіи античной.

«Поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсенъ; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ».

(IV, 387 сл.). [1])

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина, изд. 8-е Ефремова, М. 1882.

Любовь въ широкомъ смыслѣ этого слова была главнымъ мотивомъ Пушкинской поэзіи.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ.

(III, 32).

Вездѣ со мной неутомима
Мнѣ муза пѣла, пѣла вновь
(Amorem canat aetas prima)
Все про любовь, да про любовь...

(III, 435).

Да, Пушкинъ пѣлъ любовь и пѣлъ ее всю жизнь: она питала его поэтическій талантъ:

О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья,
Еще въ младенческую грудь,
Вліяли искру вдохновенья
И тайный указали путь.

(I, 171).

Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ...

(I, 198).

Любовь была спутницей превратной жизни поэта:

На пиръ любви душой стремлюся я...

(II, 383).

Ужъ мало-ли любовь играла въ жизни мной?
Ужъ мало-ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой...

(II, 160).

И жизнь пѣвца любви была полна печали:

Вся жизнь моя—печальный мракъ ненастья;
Двѣ, три весны младенцемъ, можетъ быть,
Я счастливъ былъ, не понимая счастья.
. . . . . .
Я зналъ любовь—но я не зналъ надежды;
Страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ...
Безумный сонъ покинулъ томны вѣжды,
Но мрачныя я грезы не забылъ.
Душа полна невольной, грустной думой;
Мнѣ кажется, на жизненномъ пиру
Одинъ, съ тоской, явлюсь я—гость угрюмой,
Явлюсь на часъ и одинокъ умру.
(I, 134).

Въ годы юности надъ головой поэта и предъ его глазами уже витали мрачные призраки смерти[2]); земная любовь не удовлетворяла пѣвца, онъ стремился къ другой, неземной любви, любовь земная давала ему утѣшенія лишь въ изгнаніи, въ его одиночествѣ, но она, коварная и измѣнчивая, свела его въ могилу—

О братья, вспомните пѣвца,
Его любовь, его мученья
И славу грознаго конца!...
. . . . . .
Уже не возвратился онъ:
. . . . на полѣ славы
Его покрылъ безвѣстный сонъ.
(I, 133).

Поэтъ любилъ невѣдомой любовью—

Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,

---

[2]) Перцовъ, Философскія теченія русской поэзіи. Спб. 1869, стр. 12.

ство къ познанію древностей»;[5]) позже въ 1821 г. Кошанскій напечаталъ въ XIV т. «Трудовъ вольнаго общества любителей россійской словесности» сочиненіе подъ заглавіемъ «Взглядъ на исторію искусствъ и исторія греческаго искусства въ біографіяхъ греческихъ художниковъ».

На эстетическое и художественное образованіе Кошанскаго несомнѣнно оказалъ громадное вліяніе профессоръ Московскаго университета нѣмецъ Буле (1763—1821), лекціи котораго, если и не могъ слышать Кошанскій въ университетѣ, гдѣ Буле читалъ (1804—1812) исторію миѳологіи, археологію, живопись, скульптуру древнихъ народовъ, литературу греческую и римскую, теорію и исторію изящныхъ искусствъ, то всетаки могъ посѣщать его приватныя лекціи, которыя Буле читалъ у себя на дому, тѣмъ болѣе что Кошанскій переводилъ на русскій яз. статьи писанныя по-нѣмецки самимъ Буле для издававшагося имъ «Журнала изящныхъ искусствъ». Вообще проф. Буле былъ свѣтлая личность съ широкимъ эстетическимъ образованіемъ; въ Россіи онъ жилъ недолго (до 1814 г.), но работалъ съ лихорадочной поспѣшностью; основанный имъ журналъ не существовалъ и года; очевидно публика того времени не была еще достаточно подготовлена къ чтенію серьезныхъ статей спеціально посвященныхъ исторіи искусства. [6]).

За время пребыванія Пушкина въ Лицеѣ профес. Кошанскій издалъ слѣдующія сочиненія. Въ 1814 г. по порученію Лицея имъ было напечатано «Очищенное изданіе басенъ Федра», посвященное Императору Алек-

---

[5]) У г. Прозорова въ его Систематическомъ указателѣ книгъ и статей по греч. филологіи, напечатанныхъ въ Россіи съ XVII стол. по 1892» (Спб. 1898) означенный трудъ проф. Кошанскаго не названъ.

[6]) О Буле см. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго университета за 1755—1855. М. 1855 ч. I стр. 112 слл.

сандру I Въ увѣдомленіи къ этому изданію сказано: «Желаніе мое было, чтобы юные воспитанники, учась латинскому языку, могли читать все, что находится въ сей книгѣ; чтобы ни одна мысль, ни одно выраженіе не оскорбляли ихъ благороднаго чувства, а напротивъ утверждали въ благоразуміи и нравственности. Пусть живая кисть Федра, представляя забавныя происшествія, увеселяетъ ихъ»... Въ 1816 г. Кошанскій выпустилъ очищенное изданіе Непота; въ концѣ предисловія къ этому изданію читаемъ: «Не худо знать, что въ сей книгѣ содержатся прекрасныя жизнеописанія. Сколько героевъ! сколько великихъ мужей и славныхъ дѣлъ!... Любезные друзья, скажу вамъ: если кто изъ васъ, читая Аристида, Эпаминонда, Ганнибала и проч. будетъ примѣчать, какъ они думали и поступали, будетъ стараться самъ также чувствовать и мыслить, будетъ искренно желать быть имъ подобнымъ, тотъ, въ самомъ дѣлѣ, возвысится духомъ, приготовитъ для себя нравственный характеръ и, кто знаетъ?—можетъ быть столь [illegible] какъ они, будетъ полезенъ своему отечеству». [illegible]ь же 1816 г., а не въ 1817 г., какъ пишетъ Гротъ,[7]) была издана «Ручная книга древней классической словесности, содержащая: I Археологію, II Обозрѣніе классическихъ авторовъ, III Миѳологію и IV. V. Древности греческія и римскія. Собранная Эшенбургомъ (1743—1820), умноженная Крамеромъ и дополненная Кошанскимъ. Въ этомъ году вышелъ собственно I-й томъ въ 510 стр. 8⁰—отдѣлы: археологія словесности и искусства и краткое обозрѣніе древнихъ писателей греческихъ и римскихъ; въ 1817 г. вышелъ II-й том. въ 474 стр. 8⁰—отдѣлы: миѳологія, греческія и римскія древности. Оставшаяся неоцѣненной въ свое время книга Кошанскаго, принаровленная, какъ видно, къ программѣ во многомъ напоминающей лекціи Буле, составляетъ эпоху

---

7) Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб. 1887, стр. 9 сл.

въ исторіи развитія классическихъ знаній въ Россіи; до появленія этого сочиненія «о древностяхъ и классическихъ авторахъ, какъ говоритъ въ предисловіи къ I тому (стр. II) Кошанскій, рѣдко слышали». «Эта книга, пишетъ далѣе (стр. IV) переводчикъ, можетъ быть полезна и тѣмъ, кои, занимаясь новѣйшей словесностью, желали бы вѣдать состояніе искусствъ и наукъ, образъ мыслей и произведенія древнихъ».

Такимъ образомъ ученая и издательская дѣятельность Кошанскаго была направлена въ одну опредѣленную сторону: она имѣла своею цѣлью споспѣшествовать успѣхамъ русскаго просвѣщенія главнымъ образомъ путемъ изданія «очищенныхъ» руководствъ и пособій для изученія классическаго міра, и въ этомъ Кошанскій много успѣлъ, такъ что собственный его эпиграфъ на заглавномъ листѣ басенъ Федра.

Relinquamus aliquid, ne frustra vixisse videamur.

К.

смѣло можно было бы измѣнить въ

Feci quod potui, faciant meliora potentes.

Не менѣе плодотворны были и педагогическія занятія Кошанскаго; о нихъ мы можемъ судить отчасти и на основаніи свидѣтельствъ самого Пушкина, который въ біографіи барона Дельвига (V, 159 слл.) упоминаетъ о Кошанскомъ, какъ руководителѣ друга его въ изученіи Горація.

Кошанскій разсказывалъ своимъ слушателямъ содержаніе гомеровскихъ поэмъ, объяснялъ миѳологію и бытъ древнихъ народовъ, читалъ Иліаду въ отрывкахъ по переводу Гнѣдича, задавалъ сочиненія на удачно выбранныя темы, причемъ требовалъ изобрѣтательности и изящества въ изложеніи. Одинъ изъ воспитанниковъ проф. Кошанскаго дѣлаетъ о немъ такой отзывъ:

«Съ многостороннею классическою образованностью и большою опытностью въ преподаваніи Кошанскій соединялъ необыкновенно тонкій и изящный вкусъ, восторженное поэтическое настроеніе и особенный даръ передавать то и другое своимъ слушателямъ. Лекціи его вполнѣ можно было назвать эстетическими, наполненными занимательности и вкуса»[8]). Дѣйствительно, судя по переводамъ Кошанскаго и предисловіямъ къ его изданіямъ, онъ умѣлъ воплощать въ себѣ духъ подлинника, восторгаясь онъ возбуждалъ слушателей своихъ, развивалъ въ нихъ эстетическій вкусъ, вызывая къ жизни поэтическихъ героевъ далекаго міра.

Словомъ, Кошанскій былъ выдающимся профессоромъ своего времени; этотъ дѣятель еще ждетъ своего біографа[9]).

Изъ положительныхъ знаній, отражающихся въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, замѣчательно его знакомство съ миѳологіей и литературой древне-классическаго міра. Еще въ домѣ своихъ родителей, задолго до поступленія въ Лицей, будущій поэтъ прочелъ Плутарха и поэмы

---

[8]) Гротъ стр. 58.

[9]) О Кошанскомъ кое-что см. въ сочиненіяхъ: «Памятная книжка Александровскаго Лицея (Спб. 1856)», «Благородный пансіонъ Царскосельскаго Лицея (Спб. 1869)», указ. соч. Грота и «Энциклоп. словарь» изд. Брокгаузомъ и Ефрономъ ч. 31 стр. 467 (невольно припоминаются слова Пушкина (III, 23): «въ Россіи... память замѣчательныхъ людей скоро исчезаетъ по причинѣ недостатка историческихъ записокъ»).

Гомера въ переводѣ Битобе (1732—1808), члена Берлинской академіи. Своими познаніями въ миѳологіи Пушкинъ несомнѣнно обязанъ какъ чтенію книгъ спеціально посвященныхъ этому предмету, такъ и литературно антикварнымъ объясненіямъ, какія при чтеніи, особенно поэтическихъ произведеній древнихъ, давалъ Кошанскій на своихъ лекціяхъ, очевидно заимствуя многія изъ этихъ объясненій изъ той «Ручной книги древней классической словесности», о которой было упомянуто выше.

Изъ всего сказаннаго ясно, почему Пушкинъ еще въ Лицеѣ такъ любилъ заимствовать изъ древняго міра образы и сюжеты для своихъ стихотвореній.

Вѣроятно не менѣе сильно, чѣмъ школа, вызывала въ поэтѣ любовь къ античному міру и самая царскосельская обстановка[10]).

Въ Лицеѣ—этомъ «Царицыномъ чертогѣ» (III, 414) Пушкину многое напоминало классическій міръ.

Не се ль Элизіумъ полнощный,
Прекрасный Царскосельскій садъ
(I, 57).

—писалъ поэтъ въ 1815 г. И дѣйствительно, величественныя деревья («аллеи древнихъ липъ»—I, 57) и статуи—все это такія картины, кото-

[10]) Ср. Стоюнинъ, Историч. сочиненія ч. II.—Пушкинъ Спб. 1881 стр. 27 слл. и Буличъ, Въ память пятидесятилѣтія смерти Пушкина, Казань 1887 стр. 19.

рыя способны были вызывать въ впечатлительной душѣ поэта воображенія античной древности.

Въ тѣ дни, пишетъ Пушкинъ:

Являться муза стала мнѣ
. . . . . .
И какъ вакханочка рѣзвилась,
За чашей пѣла для гостей.
(Ш, 153 слл.)

И съ тѣхъ поръ «вакханочка» не покидала поэта.

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой.
. . . . . .
. . . долго я блуждалъ, и часто, утомленный
. . . . . .
Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
Воображалъ сіи сады!.
(П, 249 сл.)

Тамъ, среди прекрасныхъ садовъ «благословеннаго пріюта», поэтъ видѣлъ, какъ въ тихомъ озерѣ плескались наяды. (I, 57).

Въ Царскомъ селѣ были статуи, къ одной изъ которыхъ позднѣе (1830 г.) Пушкинъ, подъ впечатлѣніемъ юности, написалъ стихотвореніе:

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила.
Дѣва печальна сидитъ, праздный держа черепокъ.
Чудо! не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой:
Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидитъ.
(Ш, 374).

Въ Лицеѣ (1811—1817) Пушкинъ читалъ эротическихъ поэтовъ; на развитіе его художественнаго вкуса въ этомъ именно направленіи оказывалъ громадное вліяніе Батюшковъ[11]), благоговѣвшій предъ классической литературой.

Во время пребыванія на югѣ Россіи (1820—1824) Пушкинъ зачитывался Андреемъ Шенье «поэтомъ напитаннымъ древностью» (V, 33), интересъ къ которому былъ вызванъ вообще интересомъ къ антологической поэзіи въ связи съ появленіемъ въ 1820 г. весьма занимательной книжечки гр. С. С. Уварова «О греческой антологіи» (съ образцами переводовъ изъ нея Батюшкова).[12]).

Увлекаясь классическимъ міромъ Пушкинъ изучалъ Овидія, печальная судьба котораго напоминала поэту его собственную судьбу. Произведенія Овидія Пушкинъ, какъ увидимъ ниже, изучалъ въ подлинникѣ. Въ эту-же пору поэтомъ задумана и античная поэма «Египетскія ночи» (начата въ Кишиневѣ въ 1821 г.).

По пріѣздѣ въ с. Михайловское (1824—26) увлеченіе лирическими произведеніями Овидія смѣнилось интересомъ къ римскимъ историкамъ—Аврелію Виктору и Тациту. Въ слѣдующее за тѣмъ время (1826—29) Пушкинъ особенно инте-

---

[11]) См. Гаевскій, Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія. (Современникъ 1863, № 8), стр. 353 и 362.

[12]) Объ этомъ сочиненіи см. у Прозорова № 1663 на стр. 90.

ресовался Анакреономъ (1828), занялся (1830 г.) антологическими пьесами (Царскосельская статуя, Рим̀а и др.), а позднѣе (1833—35) отдался подражаніямъ древнимъ[13]).

Искренняя дружба съ Дельвигомъ, лицейскимъ товарищемъ, къ которому поэтъ обращается съ словами:

Дельвигъ милый
Товарищъ юности жи. ой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ
(III, 203).

—въ значительной степени способствовала увлеченію поэта античнымъ міромъ, изъ котораго главнымъ образомъ и почерпалъ свои вдохновенія Дельвигъ[14]).

Пушкинъ съ особеннымъ интересомъ и любовью перечитывалъ всякое новое произведеніе своего друга; о его идиллiяхъ онъ писалъ: «Идиллiи Дельвига для меня удивительны: какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ 19-го столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное чутье изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы; эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, которая не допу-

[13]) См. соч. Пушкина въ изд. Поливанова (М. 1887) т. I стр. 84 и 160.

[14]) Ср. Гаевскій, Пушкинъ въ Лицеѣ и лиц. его стихотворенія (Совр. 1863, № 7), стр. 146.

скаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ, лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ» (V, 162).

Посылая въ подарокъ своему другу бронзоваго сфинкса Пушкинъ написалъ такую «Загадку»—

Кто на снѣгахъ возрастилъ Ѳеокритовы нѣжныя розы?
Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золотой угадалъ?
Кто славянинъ молодой, грекъ духомъ, а родомъ германецъ?
Вотъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши.
(II, 253).

Изъ многихъ мѣстъ переписки Пушкина съ Дельвигомъ можно догадываться, что оба друга жили воспоминаніями классическаго міра*). Такъ Пушкинъ сообщаетъ своему «парнасскому брату» (VII, 128) о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на него поѣздкой въ Крымъ въ связи съ чтеніемъ «Путешествія по Тавридѣ» соч. Муравьева-Апостола (VII, 131 сл.), пишетъ о томъ, какъ интересовали его развалины древнихъ построекъ въ Крыму—«видно, миѳологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ.... говоритъ поэтъ и затѣмъ продолжаетъ:

Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,

*) Извѣстно также (Гаевскій, стр. 165), что другой лицейскій товарищъ поэта Ив. Пущинъ помѣстилъ въ «Вѣстникѣ Европы» за 1814 г. (сент. № 18, стр. 115—119) статью «Объ эпиграммѣ и надписи древнихъ», переведенную имъ изъ Lycée ou cours de litterature Лагарпа (I, 23 и 468).

Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой Эвмениды;
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руку занесла;
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось.
. . . . . (VII, 133; ср. VII,78).

Въ одномъ изъ писемъ поэтъ справляется о ходѣ перевода «Иліады», предпринятаго Гнѣдичемъ (VII, 144).

Не получая долго извѣстій отъ Дельвига, который былъ занятъ своей свадьбой, Пушкинъ пишетъ:... «Мой другъ баронъ, я на тебя не дулся и долгое твое молчаніе великодушно извинялъ твоимъ гименеемъ

Io hymen Hymenaee Io,
Io hymen Hymenaee!

т. е. чортъ побери вашу свадьбу, свадьбу вашу чортъ побери.» (VII, 140)—непереводимый припѣвъ въ брачной пѣснѣ Катулла (61, 124 сл.) поэтъ рѣшился перевести своеобразно-комичной фразой, въ которой звучитъ игривая нотка досады.

Эпоха, въ которую жилъ и писалъ Пушкинъ, отличалась особеннымъ оживленіемъ въ области изученія классической древности. Въ то время въ Петербургѣ по побужденію А. Н. Оленина (1763—

1843), директора Императорской публичной библіотеки, Д. П. Поповъ (1789—1864), впослѣдствіи профессоръ Спб. университета, перевелъ прозой Гомера; по совѣту гр. С. С. Уварова (1786—1855), водворителя классическаго ученія въ Россіи (бывавшаго на экзаменахъ въ Лицеѣ) другъ Пушкина Н. И. Гнѣдичъ (1784—1833) покровительствуемый Олениныхъ и гр. А. С. Строгановымъ († 1811), попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа, перевелъ гекзаметрами Иліаду, А. С. Стурдза (1791—1854), извѣстный дѣятель по дипломатической части, котораго зналъ Пушкинъ (ср. VII, 9 сл.) и гр. І. Каподистрія (1776—1831), статсъ-секретарь Императора Александра I, выдвигаютъ С. Ю. Дестуниса (1782—1848), переводчика Плутарховыхъ жизнеописаній; въ гр. Уваровѣ находитъ своего покровителя и извѣстный эллинистъ Ѳ. Б. Грефе (1780—1851). Въ то же самое время И. М. Муравьевъ-Апостолъ (1762—1851) пишетъ свое ученое «Путешествіе по Тавридѣ», которое Пушкинъ «прочиталъ съ величайшимъ удовольствіемъ» (VII, 131 сл.), а неутомимый труженикъ И. И. Мартыновъ (1771—1833) выпускаетъ, не смотря на массу встрѣченныхъ имъ препятствій, 26 частей своего поистинѣ гигантскаго труда.

Попечитель Московскаго университета М. Н. Муравьевъ (1757—1807) вызываетъ изъ-за границы ученаго Х. Ф. Маттеи (1744—1811); по совѣту этого же просвѣщеннаго покровителя Р. Ѳ.

Тимковскій (1786—1820), славный ученикъ Маттеи, издаетъ басни Федра съ эстетическими комментаріями и берется за переводъ Ѳукидида. А. Ѳ. Мерзляковъ (1778—1830), учитель Кошанскаго и Гнѣдича, печатаетъ свои «Подражанія и переводы», покровительствуемый Муравьевымъ; наставникъ поэта Тютчева С. Е. Раичъ (1792—1855) издаетъ свой переводъ «Виргиліевыхъ Георгикъ»; ученикъ Тимковскаго И. И. Давыдовъ (1795—1863), выдвинутый тѣмъ же Муравьевымъ, встрѣчаетъ покровительство со стороны гр. Уварова. Къ тому же времени относится и начало дѣятельности московскихъ профессоровъ А. М. Кубарева (1796—1881), другого ученика Тимковскаго, и С. П. Шевырева (1806—1864), недружелюбно относившагося къ Пушкину.

Въ ту пору впервые стали заниматься и разработкой археологическихъ богатствъ южной Россіи (ср. VII, 78). На этомъ поприщѣ подвизались главнымъ образомъ чиновники, состоявшіе на службѣ въ Одессѣ, какъ-то: Н. А. Дюбрюксъ (1794—1835), оказавшій важную услугу изученію древней географіи Крымскаго полуострова, А. Ѳ. Панаіодоръ—Никовулъ (1763—1848), давшій названіе Овидіополю, Ольвіополю и др. мѣстностямъ, И. П. Бларамбергъ (1772—1831), дочерямъ котораго Пушкинъ написалъ экспромтъ (I, 536),[15] и И.

[15] Очень жаль, что жизнь Пушкина въ Одессѣ до сихъ поръ мало извѣстна; съ неоффиціальной стороны она, можно сказать, вовсе не изучена. Пушкинъ ѣздилъ въ Одессу два раза въ 1821 г. и болѣе года (1823—24) служилъ въ ней.

А. Стемпковскій (1789—1832), работавшіе надъ изученіемъ древностей юга Россіи. Къ тому-же времени относится отчасти и начало дѣятельности А. Б. Ашика (1802—1854) и И. Ѳ. Гриневича, проф. латинской и греческой словесности (1821—1825) въ Ришельевскомъ Лицеѣ.

Тогда именно Харьковскій проф. Н. Я. Кронебергъ (1788—1838) и дерптскій К. С. Моргенштернъ (1770—1852), признавая необходимость изученія филологіи съ эстетической точки зрѣнія, какъ и московскій проф. Буле, старались проводить свои взгляды въ общество путемъ изданія журналовъ изящныхъ искусствъ и древней классической словесности, таковы были; «Амалтея» и «Минерва» Кронеберга [16]) и «Dörptsche Beiträge für Freunde der Philosophie, Litteratur und Kunst» Моргенштерна.

Такимъ образомъ описываемая эпоха была въ своемъ родѣ необыкновенна [17]): въ Петербургѣ преимущественно сосредоточилась переводческая дѣятельность, въ Москвѣ издательская, въ Одессѣ археологическая, въ Харьковѣ и Дерптѣ художественная, и всюду работали главнымъ образомъ на почвѣ эстетики (художественные переводы, эстетическіе комментаріи, журналы по исторіи искусствъ и древней литературѣ). Со стороны важныхъ сановниковъ (гр. Уваровъ, гр. Строга-

[16]) Объ этихъ сборникахъ см. отзывъ въ соч. Веневитинова изд. Пятковскаго (Спб. 1862) стр. 190.

[17]) Ср. объ этой эпохѣ у Булича стр. 20 сл..

новъ, гр. Каподистрія, Стурдза, Муравьевъ, Оленинъ) замѣчается особенное покровительство наукамъ классическимъ; появляются особенные любители классической словесности (Мартыновъ, Муравьевъ-Апостолъ, Ранчъ), создаются своего рода школы, въ которыхъ весьма опредѣленно выразилась преемственность (Тимковскій ученикъ Маттеи, учениками Тимковскаго были Давыдовъ и Кубаревъ; Гнѣдичъ и Кошанскій ученики Мерзлякова; Мартыновъ выдвигаетъ дѣятельность Дестуниса; Дюбрюксъ возбуждаетъ любовь къ археологическимъ изысканіямъ у Стемпковскаго и Бларамберга). Словомъ, эпоха, въ которую жилъ Пушкинъ, несомнѣнно была порой особеннаго увлеченія классицизмомъ (ср. VII, 343).

Слѣды увлеченія Пушкина миѳологіей и исторіей классическихъ народовъ.

Въ сочиненіяхъ Пушкина весьма часто встрѣчаются собственныя имена, заимствованныя изъ древней миѳологіи. Арсеналъ такихъ собственныхъ именъ особенно богатъ въ наиболѣе раннихъ стихотвореніяхъ поэта[18]), гдѣ даже своимъ

[18]) См. ст. «Пушкинъ» написанную проф. Кирпичниковымъ въ энциклоп. словарѣ изд. Брокгаузомъ и Эфрономъ ч. 50 стр. 829. Ср.

. . . . да блюдутъ твой мирный сонъ
Нептунъ, Плутонъ, Зевсъ, Цитерея,
Гебея, Псиша, Кронъ, Астрея,
Фебъ, Игры, Смѣхи, Вакхъ, Харонъ, (I, 464)

и примѣчанія къ этому мѣсту самого поэта.

адресатамъ онъ даетъ причудливыя названія въ родѣ: «харитъ любовникъ своевольный» (кн. А. М. Горчаковъ — I, 213), «крестница Киприды» (Олинька Массонъ—I, 296), «прелестный баловень Киприды» (Ѳ. Ф. Юрьевъ—I, 191) и др. Можно было бы составить цѣлый словарь миѳологіи изъ этихъ именъ, между которыми всего чаще попадаются: Амуръ (Купидонъ, Эротъ), Аполлонъ, Вакхъ (Бахусъ, Либеръ), Венера (Киприда), Фебъ, музы (аониды, камены, піериды, Мельпомена, Талія, Терпсихора) и хариты (граціи), но и между перечисленными «божествами» не всѣ въ одинаковой степени служили предметомъ прославленій поэта [19]).

Съ ранняго дѣтства Пушкина привлекали къ себѣ два идеала древне-классическаго міра—Аполлонъ, богъ знанья, свѣта, духъ властной мудрости и—Діонисъ, богъ тайной нѣги и сладострастныхъ наслажденій[20]).

Въ началѣ жизни, пишетъ поэтъ въ своей художественной исповѣди (1830)

два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья.
Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ младой—
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.
Другой женообразный, сладострастный,

---

[19]) Ср. Стоюнинъ, назв. соч. стр. 35.
[20]) Перцовъ, Философскія теченія русской поэзіи стр. 56.

Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ—лживый, но прекрасный.
(II, 304).

Пораженіе Аполлономъ Пиѳона поэтъ описываетъ такими словами:

Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
И клубясь издохъ Пиѳонъ...
(II, 148), Ср.:
Стрѣлою гибели десница Аполлона
Сражаетъ наконецъ ужаснаго Пиѳона
(I, 170).

Въ стихотвореніи «Торжество Вакха» (I, 185) представлены отдѣльныя сцены «изъ Діонисіевыхъ таинствъ» и главнымъ образомъ «Вакха буйный пиръ» (I, 369).

. . . Вотъ онъ, вотъ сильный богъ!
Вотъ Бахусъ мирный, вѣчно юный!
. . . . . .
Кругомъ летятъ эроты, игры
И гимны въ честь ему поютъ.
За нимъ тѣснится козлоногій
И фавновъ, и сатировъ рой;
Плющемъ опутаны ихъ роги.
. . . . . .
Тамъ, далѣ, вижу дивный ходъ:
Звучатъ веселые тимпаны;
Младыя нимфы и сильваны,
Составя шумный хороводъ,
Несутъ недвижнаго Силена...
. . . . . .
. . . . . .
Власы раскинувъ по плечамъ,
Вѣнчанны гроздьемъ, обнаженны,
Бѣгутъ вакханки по горамъ.

Въ слѣдующихъ миѳологическихъ картинахъ рисуетъ поэтъ театральное зрѣлище—«дѣйствіе музъ», на которомъ присутствовала героиня его романа «Евгеній Онѣгинъ»

тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Гдѣ машетъ мантіей мишурной
Она предъ хладною толпой,
Гдѣ Талія тихонько дремлетъ
И плескамъ дружескимъ не внемлетъ,
Гдѣ Терпсихорѣ лишь одной
Дивится зритель молодой
. . . . . .
. . . . . .
Не обратились на нее
Ни дамъ ревнивые лорнеты,
Ни трубки модныхъ знатоковъ
Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ.

(III, 150 сл.).

Самый романъ «Евгеній Онѣгинъ» первоначально стихотворная повѣсть въ 9-ти главахъ по числу музъ.

Съ такими аллегорическими словами обращается поэтъ къ Языкову:

Нѣтъ не кастальскою водой
Ты воспоилъ свою камену;
Пегасъ иную Ипокрену
Копытомъ вышибъ предъ тобой.

(II, 139).

Въ стихотвореніи «Рифма» (II, 374 сл.) разсказывается о появленіи на свѣтъ этой богини и о ея воспитаніи:

Эхо, безсонная нимфа, скиталась по брегу Пенея.

Фебъ, увидѣвъ ее, страстію къ ней воспылалъ.
Нимфа плодъ понесла восторговъ влюбленнаго бога;
Межъ говорливыхъ наядъ, мучась, она родила
Милую дочь. Ее пріяла сама Мнеммозина.
Рѣзвая дѣва росла въ хорѣ богинь Аонидъ,
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музамъ мила; на землѣ Ріемой зовется она.

Поэтъ пишетъ своеобразную повѣсть въ стихахъ «Амуръ и Гименей» (I, 127) и стихотвореніе въ духѣ классическихъ идиллій «Разсудокъ и Любовь» (I, 98), гдѣ разсказывается погоня Дафниса за Доридой и участіе въ этомъ Эрота.

Въ пьесѣ «Мое завѣщаніе» (I, 100) поэтъ говоритъ:

Зовите на послѣдній пиръ
Спѣсивой Семелеи сына,
Эрота, друга нашихъ лиръ,
Боговъ и смертныхъ властелина.

Продѣлки Фавна изображены въ стихотвореніи «Фавнъ и Пастушка»—

Но кто тамъ, близъ пещеры,
Въ густой травѣ лежитъ?
На жертвенникъ Венеры
Съ досадой онъ глядитъ;
Нагнулась межъ цвѣтами
Косматая нога;
Надъ грустными очами
Нависли два рога.
То Фавнъ, угрюмый житель
Лѣсовъ и горъ крутыхъ,
Докучливый гонитель
Пастушекъ молодыхъ.

(I, 111 сл.)

Но картина мѣняется и

съ невольнымъ пламенемъ лаптъ,
Украдкой нимфа молодая,
Сама себя не понимая,
На Фавна иногда глядитъ.

(I, 192).

А вотъ и сатиръ, богъ лѣсовъ, заслушался ночной пѣсенкой:

Вдругъ изъ глубины пещеры
Чтитель Вакха и Венеры,
Рѣзвыхъ фавномъ господинъ,
Выбѣжалъ Эрміевъ сынъ:
Розами рога обвиты,
Плющъ на черныхъ волосахъ,
Козій мѣхъ виномъ налитый
У сатира на плечахъ.
Богъ лѣсовъ, въ дугу склонившись
Надъ искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушалъ пѣсенки ночной,
Въ ладъ качая головой.

(I, 30 сл.).

Вакханочка—муза часто по берегамъ священной воображенью Тавриды—

(Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ,
Тамъ закололся Митридатъ)

(III, 181).

поэта

во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Нереиды.

(III, 155.)

и здѣсь

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,

На утренней зарѣ онъ видѣлъ Нереиду.
(I, 304).

Поэту нравятся прелести греческихъ богинь, ихъ станъ—

Діаны грудь, ланиты Флоры,
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня.
(III, 15).

Описывая въ своемъ «Путешествіи въ Арзрумъ» Дарьяльское ущелье, Пушкинъ говоритъ: «ручьи падающіе съ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганимеда, странную картину Рембрандта»... (V, 265).

Въ подражаніе Парни составлено поэтомъ (1824) стихотвореніе «Прозерпина», имѣющее сюжетомъ своимъ похищеніе Прозерпины (I, 417) —

Плещутъ волны Флегетона,
Своды тартара дрожатъ:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро къ нимфамъ Пеліона
Изъ аида бога мчатъ,
Вдоль пустыннаго залива
Прозерпина вслѣдъ за нимъ,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путемъ однимъ.
. . . . . .
Богъ «тѣней» умчалъ дѣву туда, гдѣ
вѣчные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.

Къ подземному міру особенно часто возвращается поэтъ. Онъ упоминаетъ «берега холодной Леты» (I, 8 и 368), питая надежду на то, что

быть можетъ, въ Летѣ не потонетъ
Строфа слагаемая имъ

(III, 46),

хотя иногда поэтомъ овладѣваетъ отчаяніе и онъ думаетъ, что

память юнаго поэта
Поглотитъ медленная Лета

(III, 118),

но тогда

надъ Летой усыпленной,
Поэтъ, безчувствіемъ блаженной,
Ужъ не смущается ничѣмъ,
И міръ ему закрытъ и нѣмъ...

(III, 133)

Въ посланіи къ кн. А. М. Горчакову (1815) упоминается третья рѣка подземнаго міра Стиксъ и мрачный челнъ Харона:

Дай богъ любви, чтобъ ты свой вѣкъ,
Питомцемъ нѣжнымъ Эпикура,
Провелъ межъ Вакха и Амура!
А тамъ, когда стигійскій брегъ
Мелькнетъ въ туманномъ отдаленьи,
Дай Богъ, чтобъ въ страстномъ упоеньи
Ты съ томной сладостью въ очахъ,
Изъ рукъ младого Купидона,
Вступая въ мрачный челнъ Харона,
Уснулъ... Элены на грудяхъ!

(I, 91).

О состояніи, въ какомъ будетъ находиться человѣкъ по смерти читаемъ:

Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни легкою толпой,
Отъ береговъ холодной Леты
Слетаются на брегъ земной
И невидимо навѣщаютъ
Мѣста, гдѣ было все милѣй,
И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей;
Онѣ, безсмертіе вкушая,
Ихъ поджидаютъ въ Элизей,
Какъ ждетъ на пиръ семья родная
Своихъ замедлившихъ гостей...

(I, 368).

Изъ миѳическихъ героевъ Пушкинъ останавливаетъ свое вниманіе на Аріонѣ и Геркулесѣ. Сказаніе объ Аріонѣ (ср. Herod. I. 23 сл.) есть гимнъ искусству, торжество художественной силы надъ физической, покровительство стихіи искуеству [21])—

. . . безпечной вѣры полнъ
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ-налету вихорь шумный...
Погибъ и кормщикъ и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою,
Я гимны прежніе пою,
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ, подъ скалою.

(I, 264 сл.).

---

[21]) Ср. Буличъ стр. 25.

Въ стихотвореніи «Изъ А. Шеньс» (II, 34), имѣющемъ сюжетомъ смерть Геракла, изображены—конфликтъ мощнаго героя съ гнетущею физическою болью въ минуту сильнаго напряженія и самая его трагическая кончина (ср. содержаніе трагедіи Софокла «Трахинянки»).

Покровъ упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящій даръ, ревнивою любовью
Алкиду переданъ. Алкидъ его пріялъ.
Въ божественной крови ядъ быстрый побѣжалъ.
Се—ярый мученикъ, въ ночи скитаясь, воетъ;
Стопами тяжкими вершину Эты роетъ;
Гнетъ, ломитъ древеса; исторженные пни
Высоко громоздитъ; его рукой они
Въ костеръ навалены; онъ ихъ зажегъ; онъ всходитъ;
Недвижимъ на кострѣ онъ въ небо взоръ возводитъ.
Подъ мышцей палица, въ ногахъ немейскій левъ
Разостланъ. Дунулъ вѣтръ; поднялся свистъ и ревъ;
Треща горитъ костеръ, и вскорѣ пламя, воя,
Уноситъ къ небесамъ безсмертный духъ героя.

Картины изъ жизни древнихъ.

Картины, которыя заимствуетъ поэтъ изъ жизни древнихъ, можно раздѣлить на двѣ категоріи—въ однихъ изображена греческая жизнь, въ другихъ римская.

Греческая жизнь.

Пушкинъ досадуетъ на то, что «сладкозвучнѣйшія греческія имена, каковы, напр.: Агаѳонъ, Филатъ, Ѳедора, Ѳекла и проч., употребляются у

насъ только между простолюдинами» (III, 38 прим.) Поэтъ любитъ вспоминать картины изъ греческой жизни, предъ нимъ возстаютъ—

Святые мраморы Аѳинъ,
Гроба Тезея и Перикла

и тогда онъ припоминаетъ «пламенные стихи Тиртея» (I, 411); ему рисуются прогулки богатыхъ аѳинянъ—

Критонъ, роскошный гражданинъ.
Очаровательныхъ Аѳинъ,
Во цвѣтѣ жизни предавался
Всѣмъ упоеньямъ бытія....
Однажды—слушайте, друзья!
Онъ по Керамику скитался
И вдругъ изъ рощи вѣковой,
Красою дѣвственной блистая,
Въ одеждѣ легкой и простой
Явилась нимфа молодая.

(II, 239).

Поэтъ пишетъ стихотворенія въ антологическомъ духѣ, изображая въ одномъ рѣзкую перемѣну въ настроеніи ревнивой дѣвы, въ другомъ поименовываетъ миѳологическіе сюжеты художника:

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ задремалъ.
Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ его легкій лелѣя,
И улыбалась ему, тихія слезы лія.

(III, 397)

Грустенъ и веселъ вхожу, ваятель, въ твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мраморъ послушенъ тебѣ.

Сколько боговъ, и богинь, и героевъ!.. Вотъ Зевсъ громовержецъ;
Вотъ изъ подлобья глядитъ, дуя въ цѣвницу, сатиръ;
. . . . . .
Тутъ Аполлонъ идеалъ, тамъ Ніобея—печаль. .
(III, 407).

Въ слѣдующихъ строфахъ даны характеристики греческихъ философовъ—Сократа и Діогена—циника:

Люблю я добраго Сократа:
Онъ въ мірѣ жилъ, онъ былъ уменъ;
Съ своею важностью притворной
Любилъ пиры, театры, женъ.
. . . . . .
. . . . . .
Межъ тѣмъ на милыхъ грозно лая,
Злой циникъ, нѣгу презирая,
Одинъ, всѣхъ радостей лишенъ,
Дышалъ отъ міра отлученъ;
Но съ бочкой странствуя пустою
Во слѣдъ за мудростью слѣпою,
Пустой чудакъ былъ ослѣпленъ—
И воду черпая рукою—
Не могъ зачерпнуть счастья онъ.
(I, 125 сл.)

Пушкинъ былъ поклонникомъ Эпикура [22]); въ посланіи къ Вас. Вас. Энгельгардту (I, 200) онъ пишетъ:

Я ускользнулъ отъ Эскулапа,
. . . . . .
Его мучительная лапа .

---

[22]) См. указ. ст. Кирпичникова стр. 829 и у Стоюнина стр. 34 сл.

Не тяготѣетъ надо мной.
Здоровье, легкій другъ Пріапа;
И сонъ, и сладостный покой,
Съ Кипридой посѣтили снова
Мой уголъ тѣсный и простой.
Утѣшь и ты полубольнаго!
Онъ жаждетъ видѣться съ тобой,
Съ тобой счастливый беззаконникъ,
Лѣнивый Пиндa гражданинъ,
Свободы, Вакха вѣрный сынъ,
Венеры набожный поклонникъ
И наслажденій властелинъ!

Римская жизнь.

Италія, волшебный край,
Страна высокихъ вдохновеній!

(П, 144).

Италія, роскошная страна!
. . . И всю страну объемлетъ вдохновенье
(Гоголь, соч. I, 47. М. 1867).

Герой «Евгенія Онѣгина» зналъ по-латыни довольно,

чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить vale,
и даже
. , . дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.

(III, 4)

Смѣлый поступокъ графа Нулина поэтъ отожествляетъ съ дерзостью Тарквинія по отношенію къ Лукреціи—

Къ Люкреціи Тарквиній новый,
Отправился на все готовый...

(II, 127)

Въ посланіи «Къ вельможѣ»—кн. Н. Б. Юсупову «благосклонствовавшему музамъ» Пушкинъ пишетъ:

Вліянье красоты
Ты живо чувствуешь. . . . . .
. . . . . .
Такъ вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи римскіе встрѣчали свой закатъ!
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись день, другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

(II, 269 сл.)

Въ нѣсколько иномъ родѣ стихотвореніе «На выздоровленіе Лукулла» (III, 402 сл. и 468 сл.), написанное въ подражаніе латинскому.

Въ стихотвореніи «Кинжалъ» (1821) читаемъ картину смерти Цезаря, ставшаго всесильнымъ диктаторомъ—

Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ,
Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
Ты Кесаря сразилъ—и мертвъ объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.

(I, 347).

Но и державный Римъ не избѣгъ своей страшной участи: въ посланіи «Лицинію» (1815) описано его паденіе:

О Римъ, о гордый край разврата, злодѣянья!
Придетъ ужасный день, день мщенья, наказанья.
Предвижу, грознаго величія конецъ:
Палетъ, палетъ во прахъ вселенныя вѣнецъ.

. . . . . .

Исчезнетъ Римъ; его покроетъ мракъ глубокой;
И путникъ, устремивъ на груды камней око,
Воскликнетъ, въ мрачное раздумье углубленъ:
«Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ».

(I, 79).

Отъ Пушкина мы имѣемъ незначительные отрывки посмертной повѣсти изъ древняго языческаго міра (1835 г.—IV, 458 сдл.).

1-й отр. «Цезарь путешествовалъ»—въ немъ главное лицо извѣстный Петроній, элегантный поэтъ эпохи Нерона. Ср. Tac. ann. XIV, 18 и 19.

2-й отр. «Египетскія ночи», въ которыхъ представлена картина изъ современнаго общества и преданіе о Клеопатрѣ, заимствованное у Аврелія Виктора, римскаго историка IV вѣка. По отзыву Бѣлинскаго «въ Египетскихъ ночахъ Пушкинъ переноситъ насъ въ среду одряхлѣвшаго древне-римскаго міра, это воскресшій древній міръ на закатѣ его жизни. [23]). По поводу перваго отрывка, писаннаго прозой, напоминающей классическую латинскую рѣчь, Страховъ замѣчаетъ, что подражательность Пушкина производила непостижимыя чудеса искусства. «Лучше не разсказалъ бы самый лучшій римскій прозаикъ. Трудно разсмотрѣть даже

[23]) Зелинскій, Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина ч. 6. М. 1899 стр. 235.

внѣшніе пріемы, при которыхъ совершено это чудо искусства: чуть-чуть замѣтные латинскіе обороты, плавность теченія, нѣсколько отвлеченныя, но совершенно точныя слова. Но главное дѣло, кажется, въ томъ внутреннемъ строѣ рѣчи, въ силу котораго ясность и краткость доведены здѣсь до высочайшей степени. Какъ простъ и естественъ разсказъ,—а между тѣмъ разсказано очень много: ни одного слова не пропало даромъ, и они такъ расположены, что картина какъ будто развертывается сама собою». [24]).

Дальнѣйшій планъ таковъ: Приказъ Нерона возвратиться Петронію изъ путешествія въ Римъ; описаніе дома, въ которомъ остановился Петроній (статуи музъ, у дверей кентавры, мраморные пороги, библіотека, садъ). Характеристика Петронія: «его сужденія обыкновенно были быстры и вѣрны..., искренность въ отношеніи къ самому себѣ дѣлала его проницательнымъ..., умъ его хранилъ удивительную свѣжесть. Онъ любилъ игру мыслей, какъ и гармонію словъ, охотно слышалъ философическія разсужденія и самъ писалъ стихи не хуже Катулла». Бесѣда Петронія съ своимъ медикомъ. Далѣе слѣдуетъ эпизодъ о Клеопатрѣ; о немъ читаемъ:... [25]) «Я имѣлъ въ виду показаніе Аврелія Виктора, который пишетъ, будто бы Клеопатра назначила смерть цѣною своей любви,

---

[24]) См. соч. Пушкина въ изд. Поливанова IV, 372.

[25]) Ibid. стр. 385.

и что нашлись обожатели, которыхъ такое условіе не напугало и не отвратило».

Въ «Клеопатрѣ» (1825—II, 14) набросана картина античной жизни—

Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ
Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ;
Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла пиръ.
Среди этого славнаго пира царица
Задумалась и долу
Поникла дивною главой
(ср. IV, 471).

Пиръ пріостановленъ; гостями овладѣло уныніе, и вотъ вдругъ, неожиданно для всѣхъ, оживленная Клеопатра, эта жрица смерти, менада, этотъ воплощенный, женоподобный, но прекрасный демонъ Вакха, [26]) бросаетъ своимъ поклонникамъ вызовъ—

Въ моей любви для васъ блаженство;
Блаженство можно вахъ купить...
Внемлите мнѣ: могу равенство
Межъ вами я возстановить.

Затѣмъ слѣдуетъ аукціонъ любви:

Кто къ торгу страстному приступитъ?
Свою любовь я продаю;
Скажите: кто межъ вами купитъ
Цѣною жизни ночь мою?... [27]).

Такое предложеніе, очевидно, произвело сначала ужасное впечатлѣніе на всѣхъ: сердечный

[26]) Перцовъ, Философскія теченія русской поэзіи стр. 57.
[27]) Чисто античный оборотъ, ср. Ter. Heaut. 365 sq.
. . . . quendam misere offendi militem
Eius noctem orantem.

пылъ страсти и смущенный ропотъ можно было прочесть на лицахъ пламенныхъ поклонниковъ красавицы-царицы; однако презрительный взоръ Клеопатры не смутилъ трехъ ея обожателей, которые смѣлой поступью «благословенные жрецами» идутъ, чтобы вынуть изъ роковой урны свой жребій....

И первый—Флавій, воинъ смѣлый,
Въ дружинахъ римскихъ постарѣлый;
Снести не могъ онъ отъ жены
Высокомѣрнаго презрѣнья;
Онъ принялъ вызовъ наслажденья,
Какъ принималъ во дни войны
Онъ вызовъ яраго сраженья.
За нимъ Критонъ, младой мудрецъ,
Рожденный въ рощахъ Эпикура,
Критонъ, поклонникъ и пѣвецъ
Харитъ, Киприды и Амура.—
Любезный сердцу и очамъ,
Какъ вешній цвѣтъ едва развитый,
Послѣдній имени вѣкамъ
Не передалъ. Его ланиты
Пухъ первый нѣжно отѣнялъ;
Восторгъ въ очахъ его сіялъ;
Страстей неопытная сила
Кипѣла въ сердцѣ мололомъ....
И съ умиленіемъ на немъ
Царица взоръ остановила.

Слѣдуетъ клятва Клеопатры, обращенная прежде всего къ Кипридѣ «матери наслажденій», которой служитъ царица, сходя простой наемницей на ложе страстныхъ искушеній; гордая красавица призываетъ подземныхъ царей и боговъ

грознаго ада свидѣтелями того, что ея обѣщаніе будетъ свято исполнено:

Клянусь, до утренней зари
Моихъ властителей желанья
Я сладострастно утолю,
И всѣми тайнами лобзанья,
И дивной нѣгой утомлю.

Но лишь только появится утренняя заря—смѣлыхъ героевъ постигнетъ неизбѣжная смерть:

Но только утренней порфирой
Аврора вѣчная блеснетъ,
Клянусь, подъ смертною сѣкирой
Глава счастливцевъ отпадетъ!»

Къ этой чудной художественной картинѣ, въ которой нельзя не видѣть пластичности образовъ античнаго міра, гдѣ торговля красотой конкурируетъ съ презрѣніемъ къ человѣческой жизни, когда нѣга и сладострастіе покупаются цѣною этой самой жизни, когда для наслажденій уже нѣтъ высшей цѣны—къ этому прибавить уже нечего, и даже древній поэтъ-художникъ, пѣвецъ античной любви, не нашелъ бы словъ сказать больше.

Далѣе слѣдуетъ сцена изъ александрійской жизни:

И вотъ уже сокрылся день,
И блещетъ мѣсяцъ златорогій;
Александрійскіе чертоги
Покрыла сладостная тѣнь;
Фонтаны бьютъ, горятъ лампады,
Курится легкій ѳиміамъ:
И сладострастныя прохлады

Земнымъ готовится богамъ:
Въ роскошномъ золотомъ покоѣ,
Средь обольстительныхъ чудесъ,
Подъ сѣнью пурпурныхъ завѣсъ
Блистаетъ ложе золотое.

. . . . . .

«Клеопатра» осталась неоконченной. Да и нужно-ли было оканчивать ее? Все, чѣмъ могъ еще гордиться управшій Римъ, когда въ ничто цѣнили все кромѣ любви, когда любовь повелѣвала всѣмъ и всѣми, когда всѣ утопали въ любви—въ ней утонула и сама Клеопатра, унесшая съ собой въ морѣ любви и свои безчисленныя жертвы...

Слѣды знакомства Пушкина съ античной литературой.

Греческаго языка Пушкинъ не зналъ, въ этомъ онъ чистосердечно признается въ своей перепискѣ съ Гнѣдичемъ (VII, 76; ср. 147), поэтому мы не замѣчаемъ у поэта ни цитатъ, взятыхъ изъ греческихъ писателей, ни непосредственнаго знакомства его съ исторіей греческой литературы. Греческихъ поэтовъ Пушкинъ переводилъ или перелагалъ стихами съ французскихъ переводовъ и съ греческой литературой, какъ и съ миѳологіей знакомился не по источникамъ, а по пособіямъ.

Что же касается латинскаго языка, то Пуш-

кинъ, несомнѣнно, зналъ его настолько хорошо [28]), что свободно могъ переводить римскихъ авторовъ, особенно поэтовъ; онъ много читалъ по-латыни, почерпалъ изъ римскихъ историковъ сюжеты для своихъ произведеній (ср. Египетскія ночи), иногда ссылается на свидѣтельства римскихъ писателей, приводитъ латинскіе эпиграфы, таковы: in arenam cum aequalibus descendi (Cic—V, 163), rus (Hor. III, 28), exegi monumentum (Hor.—III, 411) и др., охотно пользуется латинскими пословицами, поговорками и выраженіями, какъ-то: habent sua fata libelli (V, 132), mens sana in corpore sano (Iuv.—V, 370), homo quadratus (IV, 477), ex ungue leonem (II, 18), sine ira et studio (V, 66), ab ovo (III, 352; ср. также VII, 95, 104, 278 и др.), часто оканчиваетъ письма свои (особенно къ Гнѣдичу и Дельвигу) словомъ vale, составляетъ самъ латинскія фразы (vale, sed delenda est censura—VII, 71; ср. VII, 241 и 112, 156, 239, 288, 302 и др.) пародируетъ стихи изъ римскихъ поэтовъ (Tantaene animis scholasticis irae—V, 66; Io hymen Hymenaee io, Io hymen Hymenaee!—VII, 140) и даже самъ пробуетъ писать латинскіе стихи (amorem canat aetas prima III, 435), (lumen coeli, sancta rosa – III, 247).

Разсмотримъ же слѣды знакомства Пушкина съ античной литературой по главнѣйшимъ представителямъ различныхъ видовъ поэзіи.

---

[28]) Въ аттестатѣ Пушкина значится, что на выпускномъ экзаменѣ онъ оказалъ по латинской словесности весьма хорошіе успѣхи (Стоюнинъ стр. 70).

Анакреонъ.

Подайте гроздъ Анакреона:
Онъ былъ учителемъ моимъ,
И я сойду путемъ однимъ
На грустный берегъ Ахерона.

(I, 101).

Имя Анакреона весьма часто встрѣчается въ раннихъ произведенiяхъ Пушкина, которыя, въ большинствѣ случаевъ, являются подражанiемъ любовной и вакхической лирикѣ. [29]) «Это собранiе его мелкихъ стихотворенiй, пишетъ Гоголь (II, 108), рядъ самыхъ ослѣпительныхъ картинъ. Это тотъ самый міръ, который такъ дышетъ чертами, знакомыми однимъ древнимъ, въ которомъ природа выражается такъ же живо, какъ въ струѣ какой-нибудь серебряной рѣки, въ которомъ быстро и ярко мелькаютъ ослѣпительныя плечи, или бѣлыя руки, или алебастровая шея, обсыпанная ночью темныхъ кудрей, или прозрачная гроздiя винограда, и мирты, и древесная сѣнь, созданныя для жизни. Тутъ все: и наслажденiе, и простота, и мгновенная высокость мысли, вдругъ объемлющая священнымъ холодомъ вдохновенiя читателя».

Анакреонъ былъ учителемъ Пушкина, въ этомъ признается самъ поэтъ: онъ пишетъ въ своемъ «Завѣщанiи» (1815—I, 101)

Когда востокъ озолотится
Во тьмѣ денницей молодой,

[29]) Ср. указ. ст. Кирпичникова стр. 829.

И бѣлый тополь озарится,
Покрытый утренней росой—
Подайте гроздъ Анакреона;
Онъ былъ учителемъ моимъ,
И я сойду путемъ однимъ
На грустный берегъ Ахерона.

Мысль стихотворенія «Гробъ Анакреона» (I, 104 сл.), написаннаго въ подражаніе Парни, заимствована изъ 1-ой оды Анакреона[30]).

Въ стихотвореніи «Фіалъ Анакреона» (I, 130—1816) поэтъ разсказываетъ, какъ онъ ходилъ на поклоненіе въ дальній Паѳосъ и тамъ, въ уборной Венеры, видѣлъ фіалъ «тійскаго пѣвца» Анакреона, наполненный свѣтлой влагой и убранный вѣнкомъ изъ розъ, плюща и мирты; этотъ вѣнокъ плела сама царица наслажденій. На краю чаши сидѣлъ Амуръ, грустно смотрѣвшій на пѣнистую влагу, поэтъ спросилъ проказника Купидона, что онъ такъ приумрѣлъ. Тогда каварный богъ отвѣтилъ, что рѣзвясь онъ бросилъ въ это море свой колчанъ, лукъ и стрѣлы, и такъ какъ не умѣетъ самъ плавать, то просилъ бы его достать ихъ, но поэтъ отъ этого отказался, сказавъ:

Спасибо, что упали,
Пускай тамъ остаются:
Тѣмъ лучше для меня!

Въ разговорѣ поэта съ книгопродавцемъ (1824) читаемъ:

---

[30]) Гаевскій, Пушкинъ въ Лицеѣ и лит. его стих. (Совр. 1863, № 7) стр. 172.

Сердце женщинъ славы проситъ,
Для нихъ пишите; ихъ ушамъ
Пріятна лесть Анакреона (I, 422).

Между анакреонтическими стихотвореніями Пушкина слѣдуетъ различать его подражанія Анакреону отъ собственныхъ переводовъ. Изъ первыхъ извѣстно передѣлка—подражаніе 58-ой оды Анакреона. [31]), писанное поэтомъ во время его пребыванія въ Малиннихахъ, вдали отъ суетнаго свѣта, среди роскошной сельской природы. Вотъ это подраженіе—

Кобылица молодая,
Честь кавказскаго тавра,
Что ты мчишься удалая?
И тебѣ пришла пора!
Не косись пугливымъ окомъ,
Ногъ на воздухъ не мечи,
Въ полѣ гладкомъ и широкомъ
Своенравно не скачи.
Погоди, тебя заставлю
Я смириться надо мной:
Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ направлю
Укороченной уздой. (II, 231).

Нижеслѣдующее стихотвореніе (III, 395), равно какъ и дальнѣйшіе за нимъ (III, 395 сл.) были написаны поэтомъ для одного изъ подготовительныхъ очерковъ къ «Египетскимъ ночамъ».

55-ю оду Анакреона Пушкинъ перевелъ съ

---

[31]) См. Anacreontis carmina (ed. ster. Weise) Lipsiae 1878. Въ вышеуказанномъ «Систематическомъ указателѣ» г. Прогорова поименованы лишь два Пушкинскіе перевода изъ Анакреона, см. стр. II № 68.

пропусками въ 1835 г.—точной даты этого перевода—подражанія мы не имѣемъ.

Что же сухо въ чашѣ дно?
Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвой;
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скиѳы; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно.
Нѣтъ! За чашей я пою,
Иль бесѣдую невинно.

Послѣдніе четыре стиха приведенной оды, быть можетъ, дали поэту сюжетъ для слѣдующаго стихотворенія, написаннаго въ томъ же 1835 году:

Юноша! скромно пируй и шумную Вакхову влагу
Съ трезвой струею воды, съ мудрой бесѣдой мѣшай.

(III, 396).

Судя по отмѣткамъ написанія Пушкинымъ нѣкоторыхъ переводовъ изъ Анакреона можно видѣть, что поэтомъ временами овладѣвало анакреонтическое настроеніе, такъ въ «анакреонтическій» день 6 янв. 1835 г. имъ были переведены, или правильнѣе, довольно близко переложены изъ Анакреона оды 53 и 54:

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выжженнымъ таврамъ;
Узнаемъ пареянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ;
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ:

Въ нихъ сіяетъ пламень томный—
Наслажденій знакъ нескромный.

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли,
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ немного
Провожать осталось дней;
Парка счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода:
Входъ въ него для всѣхъ открытъ.
Изъ него же нѣтъ исхода;
Всякъ на вѣки тамъ забытъ.

(III, 396).

Въ анакреонтическомъ духѣ и слѣдующее стихотвореніе, быть можетъ передѣланное изъ 41-й оды Анакреона:

Богъ веселый винограда
Позволяетъ намъ три чаши
Выпивать въ пиру вечернемъ:
Чаша первая харитамъ
Обнаженнымъ и стыдливымъ
Посвящается; вторая
Краснощекому здоровью;
Третья дружбѣ многолѣтней.
Мудрый послѣ третьей чаши
Всѣ вѣнки съ главы слагая,
Совершаетъ возліянье
Благодатному Морфею. (III 395 сл.).

Въ томъ же родѣ и нижеприведенныя строки изъ посланія Н. И. Кривцову:

Каждый у своей гробницы,
Мы присядемъ на порогъ,
У паѳосскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
Лишній мигъ у вѣрной лѣни;
Круговой нальемъ сосудъ,
И толпою наши тѣни
Къ тихой Летѣ убѣгутъ.

(I, 201).

Другіе лирики.

Эпиграмму, приписываемую поэту Гедилу и сохраненную у грамматика Аѳенея Пушкинъ перевелъ съ одного французскаго перевода 1789 г. [32]).

Славная флейта, Ѳеонъ, здѣсь лежитъ. Предводителя хоровъ
Старецъ, ослѣпшій отъ лѣтъ, нѣкогда Скирпалъ родилъ.
И, вдохновенный, нарекъ онъ младенца Ѳеономъ. За чашей
Сладостно Вакха и музъ славилъ, пріятный Ѳеонъ.
Славилъ и Вѣтала онъ, молодого красавца. Прохожій!
Мимо гробницы спѣша, вымолви: Здравствуй, Ѳеонъ!

(III, 309).

Изъ Іона хіосскаго Пушкинъ перевелъ (1833) стихотвореніе «Вино», слѣдуя неизвѣстно какому переводу:

Злое дитя, старикъ молодой властелинъ добронравный
Шумный зачинщикъ обидъ, милый заступникъ любви.

(III 309).

---

[32]) См. соч. Пушкина въ изд. Поливанова т. I стр. 367 сл.

Намъ также неизвѣстенъ переводъ, котораго держался поэтъ при написаніи стихотворенія изъ Ксенофана колофонскаго (VI в. до Р. Х.). Переводъ Пушкина близокъ, поэтиченъ, отличаясь пластичностью, изобразительностью и живостью. Бѣлинскій приводитъ это стихотвореніе вмѣстѣ съ «Нереидой», и пьесою «Юношу, горько рыдая ревнивая дѣва бранила» (III, 397), какъ образецъ произведеній въ антологическомъ родѣ, въ которыхъ «дивная гармонія стиха сочеталась съ самымъ роскошнымъ пластицизмомъ образовъ: это мраморныя изваянія, которыя дышатъ музыкой»[33]). Указанныя три пьесы могутъ служить по словамъ Бѣлинскаго «высочайшимъ идеаломъ антологической поэзіи»—

Чистый лоснится полъ; стеклянныя чаши блистаютъ;
Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
Ладона сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
Свѣтлой студёной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
Медъ и сыръ молодой: все готово; весь убранъ цвѣтами
Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но вначалѣ трапезы, о други,
Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи,

[33]) Ibid. стр. 370.

Должно безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой душою
Правду блюсти: вѣдь оно жъ и легче. Теперь мы приступимъ:
Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться, но слава
Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо. (III, 309).

Изъ Моска (ср. VII, 108) переведена Пушкинымъ въ 1821 г. идиллія «Земля и море». Неизвѣстно въ чьемъ переводѣ ознакомился Пушкинъ съ идилліей Моска, быть можетъ съ этимъ писателемъ Пушкина познакомилъ еще въ Лицеѣ его учитель Н. Ѳ. Кошанскій, который, какъ сказано выше, переводилъ идиллію Біона и Моска. Основное чувство идилліи передано Пушкинымъ весьма близко, причемъ это чувство перенесено на самого поэта, а не на поселянина Моска; дополнено изображеніе бури, измѣненъ размѣръ—вмѣсто дактилическаго гекзаметра четырехстопный ямбъ [34]):

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣетъ;

Заботъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣе
И забываю пѣсни музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе.

[34]) Ibid. стр. 99 сл.

Когда же волны по брегамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
И громъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во мракѣ блещутъ,
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы:
Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый —
Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
Игралище слѣпой пучины,
А я въ надежной тишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.
(I, 308).

Гомеръ.

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой
(II, 264).

Еще въ родительскомъ домѣ, до поступленія своего въ Лицей, Пушкинъ прочелъ въ переводѣ Битобе объ поэмы Гомера; въ Лицеѣ подъ руководствомъ Кошанскаго онъ изучалъ греческаго поэта по переводу Кострова.[35]) Въ посланіи «Городокъ» поэтъ сообщаетъ намъ, что въ его библіотекѣ

На полкѣ за Вольтеромъ
Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
Всѣ вмѣстѣ предстоятъ
(I, 46)

---

[35]) Гаевскій, Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія (Совр. 1863, 7) стр. 164.

Между Пушкинымъ и Гомеромъ есть много родственнаго: Пушкинъ ясенъ и простъ, какъ Гомеръ, и оба художника смотрятъ на міръ одинаково-дѣтскими очами. [36]) Въ своемъ романѣ «Евгеній Онѣгинъ», герой котораго бранилъ Гомера (III, 4), поэтъ такими шутливыми словами характеризуетъ великаго эпика—

замѣчу въ скобкахъ,
Что рѣчь веду въ моихъ строфахъ
Я столь же часто о пирахъ,
О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ,
Какъ ты, божественный Омиръ,
Ты, тридцати вѣковъ кумиръ! (III, 105)

Пушкинъ даже выставляетъ себя соперникомъ Гомера въ описаніи пировъ:

Въ пирахъ готовъ я непослушно
Съ твоимъ бороться божествомъ
(III, 105)

Хотя въ другомъ мѣстѣ говоритъ:

Я не Омеръ: въ стихахъ высокихъ
Онъ можетъ воспѣвать одинъ
Обѣды греческихъ дружинъ
И звонъ, и пѣну чашъ глубокихъ
(I, 262).

Однако Пушкинъ уступаетъ Гомеру пальму первенства въ изображеніи героевъ:

Но, признаюсь великодушно,
Ты (т. е. Гомеръ) побѣдилъ меня въ другомъ:
Твои свирѣпые герои,
Твои неправильные бои,
Твоя Киприда, твой Зевесъ

[36]) См. Перцовъ, Философскія теченія русской поэзіи стр. 13 сл.

Большой имѣютъ перевѣсъ,
Передъ Онѣгинымъ холоднымъ

Пушкину, повидимому, неособенно нравилась Елена, причинившая троянскую войну—

Но Таня (присягну) милѣй
Елены пакостной твоей
Никто и спорить тутъ не станетъ
Хоть за Елену Менелай
Сто лѣтъ еще не перестанетъ
Казнить фригійскій бѣдный край,
Хоть вкругъ почтеннаго Пріама
Собранье стариковъ Пергама.
Ее завидя, вновь рѣшитъ:
Правъ Менелай и правъ Парисъ.

(III, 106).

Гомера Пушкинъ ставилъ неизмѣримо выше Пиндара потому именно, что восторгъ, создающій оды, непродолжителенъ, непостоянен, слѣдовательно не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство, каковыми являются эпопеи Гомера (ср. V, 17), у котораго важная и вѣрная гармонія (V, 98).

Совершенно случайное знакомство Пушкина съ Гнѣдичемъ,

который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый

(VII, 67)

побудило поэта съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за выходомъ въ свѣтъ всѣми ожидаемаго перевода Иліады. Пушкинъ познакомился съ Гнѣдичемъ въ засѣданіяхъ общества такъ называемой «Зеленой лампы», гдѣ въ одномъ изъ первыхъ свиданій съ Гнѣдичемъ, на вопросъ по-

слѣдняго, какъ нравится ему переводъ Иліады начатый первоначально александрійскими стихами, Пушкинъ, какъ передаютъ, отвѣчалъ неодобрительнымъ экспромптомъ, замѣтивъ въ названномъ переводѣ жесткость и шероховатость стиха. Живя въ Кишиневѣ «бессарабскій пустынникъ» (VII, 69) писалъ Гнѣдичу (13 мая 1822 г.) «Что дѣлаетъ Гомеръ? Давно не читалъ я ничего прекраснаго»... Такимъ образомъ ожидаемый переводъ Гомера и предстоящее наслажденіе этимъ прекраснымъ памятникомъ древнихъ эллиновъ, о которомъ поэту не мало сообщилъ въ Лицеѣ его наставникъ—Кошанскій, въ понятіи Пушкина были нераздѣльны. Въ другомъ письмѣ (VII, 75) отъ 23 февраля 1825 г. поэтъ писалъ Гнѣдичу изъ Михайловскаго: «Братъ говорилъ мнѣ о скоромъ совершеніи (ср. VII, 172 и 284) вашего Гомера. Это будетъ первый, классическій, европейской подвигъ въ нашемъ отечествѣ... Но отдохнувъ послѣ Иліады, что предпримите вы въ полномъ цвѣтѣ генія, возмужавъ въ храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахиллъ въ вертепѣ Кентавра?» Въ томъ же году (21 марта 1825 г.) Пушкинъ писалъ А. А. Бестужеву: «Гнѣдичъ въ тишинѣ своего эпикурейскаго кабинета совершаетъ свой подвигъ; посмотримъ, когда появится его Гомеръ» (VII, 172). Черезъ пять лѣтъ послѣ написанія приведенныхъ строкъ наступило «совершеніе Гомера», и по этому случаю Пушкинъ писалъ (6 января 1830 г.—VII, 76): «Незнаніе греческаго языка мѣшаетъ мнѣ приступить къ пол-

ному разбору Иліады вашей. Онъ не нуженъ для вашей славы, но былъ бы нуженъ для Россіи». Восторгъ, съ какимъ встрѣчена Иліада былъ неописанный; выражаясь словами Гоголя (объ Одиссеѣ переводимой Жуковскимъ III, 360) передъ глазами Пушкина предсталъ во всемъ величіи старецъ Гомеръ, и слышались тѣ величавыя, вѣчныя рѣчи, которыя не принадлежатъ устамъ какого-нибудь человѣка, но которыхъ удѣлъ вѣчно раздаваться въ мірѣ»...

Пушкинъ привѣтствовалъ выходъ Иліады (1830) извѣстнымъ двустишіемъ:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.
(II, 264)

Въ стихотвореніи къ Н. (Императору Николаю Павловичу, какъ это значится въ одномъ письмѣ Гоголя къ Жуковскому: стихотвореніе написано по случаю поздняго выхода Императора на балъ въ Аничковскомъ дворцѣ, послѣ чтенія Иліады въ своемъ кабинетѣ—см. Библ. Зап. 1859, № 10) читаемъ:

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
Тебя мы долго ожидали;
И свѣтелъ вышелъ ты съ таинственныхъ вершинъ....
(III, 393).

У Пушкина имѣемъ замѣтку (1830) «О выходѣ Иліады въ переводѣ Гнѣдича»; на эту замѣтку, вызвавшую неумѣстную выходку со стороны критики, выходку изобличавшую въ авто-

рѣ послѣдней мало художественнаго вкуса и недостаточное знакомство съ литературнымъ памятникомъ, Пушкинъ вынужденъ былъ дать «Объясненіе къ замѣткѣ объ Иліадѣ» (V, 95 сл.). Въ этомъ объясненіи признается несомнѣнная важность перевода Иліады, причемъ значеніе этого великаго труда не можетъ подорвать никакая интрига. Самая замѣтка такова: «Наконецъ вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый переводъ Иліады!... когда люди пренебрегаютъ образцами величавой древности, съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни неключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единаго, высокаго подвига. Русская Иліада передъ нами. Приступаемъ къ ея изученію дабы современемъ отдать отчетъ нашимъ читателямъ о книгѣ, долженствующей имѣть столь важное вліяніе на отечественную словесность (V, 76)». И Гомера Пушкинъ дѣйствительно изучалъ (ср. VII, 88, 92 и др.), но отчета о переводѣ Гнѣдича онъ не далъ по причинамъ, вполнѣ понятнымъ: Пушкинъ не зналъ греческаго языка, какъ и самъ онъ не разъ признается въ этомъ[37]), не зналъ,

[37]) Къ тому свидѣтельству, которое приведено выше, можно было бы добавить и слѣдующія слова изъ письма поэта къ Н. И. Гречу (21 сент. 1821 г.—VII, 147). «. . . Забвеніе—естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго: я бы и самъ ихъ (Дельвига и Гнѣдича) забылъ, если бы жилъ съ эпикурейцами, въ эпикурейскомъ кабинетѣ, и умѣлъ читать Гомера»... Ср. Архангельскій, Пушкинъ въ его произведеніяхъ и письмахъ. Казань 1887 стр. 88.

по крайней мѣрѣ настолько, чтобы правильнѣе могъ оцѣнить трудъ переводчика, и цѣнилъ его, какъ художникъ, чутьемъ понимавшій духъ оригинала.

Гомера Пушкинъ читалъ съ удовольствіемъ и любилъ приводить изъ него стихи; такъ, вспоминая въ своемъ путешествіи въ Арзрумъ пированія Иліады (ср. VII, 4) поэтъ приводитъ стихъ Гомера (ср. Il. III, 246 sq.)

. . . и въ козіихъ мѣхахъ вино, отраду нашу.
(V, 265).

Очевидно Пушкинъ былъ глубоко убѣжденъ, что «Гомеры, Данты, Софоклы, Шекспиры, Шиллеры, Расины, Державины, не смотря на различіе ихъ формъ, рода, вѣры и нравовъ, всѣ созидали изящное и для всѣхъ вѣковъ» (ср. V, 364), и что «блескъ наружный можетъ заржавѣть, но истинная красота не поблекнетъ никогда. Омиръ, Виргилій, Мильтонъ, Расинъ, Вольтеръ, Шекспиръ, Тассо и многіе другіе читаны будутъ, доколѣ не истребится родъ человѣческій (V, 215).

Послѣ всего сказаннаго ясно, что изъ греческихъ поэтовъ наибольшими симпатіями Пушкина пользовались Анакреонъ и Гомеръ.

Изъ римскихъ писателей поэта болѣе всего интересовали Овидій и Горацій, а также Тацитъ.

О в и д і й.

Не славой, участью я равенъ былъ тебѣ
(I, 360).

Вспомните преданія миѳологическія, превращенія Овидіевы, Леду, Филлиру, Пазифаю . . . и признайтесь, что всѣ сіи вымыслы не чужды поэзіи (или справедливѣе, ей принадлежатъ).

(V, 132).

Въ концѣ посланія къ Батюшкову (1814) «юному мечтателю и наперснику милыхъ Аонидъ», прекратившему свои занятія на златострунной арфѣ или, какъ выражается поэтъ, разставшемуся съ Фебомъ, дается такой совѣтъ:

Доколѣ музами любимый,
Ты Пиэрилъ горишь огнемъ
. . . . . .
Мірскія забывай печали,
Играй: тебя, младой Назонъ,
Эротъ и Граціи вѣнчали,
А лиру строилъ Аполлонъ.

(I, 39).

Въ стихотвореніи «Сонъ» (1816), полномъ неподдѣльной грусти, поэтъ пишетъ:

Мой голосъ тихъ, и звучными струнами
Не оглашу безмолвія пріютъ.
Пускай любовь Овиліи поютъ,
Мнѣ не даетъ покоя Цитерея;
Счастливыхъ дней Амуры мнѣ не вьютъ...

(I, 137)

Въ своемъ «Желаніи» (1821) поэтъ уже открыто признается, что ему «изгнаннику неизвѣстному» стала близка участь римскаго поэта:

Въ моихъ рукахъ Овидіева лира,
Счастливая пѣвица красоты,
Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки...
(I, 310)

Въ томъ же году Пушкинъ писалъ Чаадаеву изъ Кишинева:

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ. (I, 340)
. . . . . .
Къ печалямъ я привыкъ, разсчелся я съ судьбою,
И жизнь перенесу стоической душою.
(I, 342).

И вотъ вскорѣ (въ декабрѣ 1821 г.), посѣтивъ г. Овидіополь Херсонской губ. и прочтя въ Акерманѣ Овидія, вдохновленный поэтъ пишетъ своему пустынному сосѣду и другу цѣлое посланіе (Къ Овидію), которое было плодомъ изученія поэтомъ произведеній Овидія[38]).

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесъ и пепелъ свой оставилъ.
Твой безотрадный плачъ мѣста сіи прославилъ:
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображеньѣ
Пустыню мрачную, поэта заточенье.
. . . . . .
Какъ часто, увлеченъ уныльихъ струнъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ Овидій, за тобою:
Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ,

---

[38]) См. соч. Пушкина въ изданіи Поливанова I, 131 слд.; ср. въ изд. Ефремова VII, 87, 90, 92, 117, 161.

И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца любви жестокая награда.
(I, 357).

Въ 1822 г. Пушкинъ пишетъ Баратынскому изъ Бессарабіи:

Еще донынѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ;
Она летитъ на сладкій зовъ
Питомцевъ музъ и Аполлона,
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега крутаго. . . .
(I, 380).

Разсказъ дикаго цыгана о жизни изгнанника Овидія на Дунайскихъ берегахъ есть дивное откровеніе поэзіи младенческихъ народовъ [39]).

Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье
. . . . . .
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной;
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный.
(I, 439).

Святой старикъ, всеобщій любимецъ, плѣнявшій своими разсказами людей, никакъ не могъ привыкнуть къ заботамъ нищенской жизни; изсохшій и блѣдный онъ ждалъ избавленья, въ тоскѣ вспоминая на чужбинѣ свой «дальный градъ».

Продолжая свое посланіе къ Овидію Пушкинъ говоритъ:

Ни дочерь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,

[39]) Перцовъ, Философскія теченія русской поэзіи, стр. 28.

Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
Изгнаннаго пѣвца не усладятъ печали.
Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:
Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
Ни пѣсни робкія Октавія не тронутъ,
Дни старости твоей въ забвеніи потонутъ.
(I, 353).

И вотъ Пушкинъ посѣтилъ страну, гдѣ Овидій нѣкогда грустно влачилъ свой вѣкъ.

Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенія,
Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
И ихъ печальныя картины повѣрялъ.
. . . . . предо мной
Скользила тѣнь твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.
(I, 359).

Въ посланіи къ Языкову (1824 г.) поэтъ клянется Овидіевой тѣнью въ томъ, что

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ.
(I, 418)

Характеризуя своего героя въ «Евгеніи Онѣгинѣ» Пушкинъ пишетъ (1822—23):

Но въ чемъ онъ истинный былъ геній
. . . . . .
Что занимало цѣлый день
Его тоскующую лѣнь—
Была наука страсти нѣжной,
Которую воспѣлъ Назонъ,
За что страдальцемъ кончилъ онъ
Свой вѣкъ блестящій и мятежной,
Въ Молдавіи, въ глуши степей,
Вдали Италіи своей.
(III, 4 сл.)

Когда Пушкинъ писалъ въ 1822 г. Гнѣдичу изъ Кишинева: «пожалѣйте обо мнѣ: живу между гетовъ и сарматовъ: никто не понимаетъ меня; со мною нѣтъ просвѣщеннаго Аристарха; пишу какъ-нибудь, не слыша ни оживительныхъ совѣтовъ, ни похвалъ, ни порицаній (VII, 72)», предъ поэтомъ уже ясно предстала вся жизнь Овидія во всей ея горькой правдѣ—она во многомъ напомнила Пушкину его собственную жизнь, его изгнаніе—

Не славой, участью я равенъ былъ тебѣ
(I, 360)

смиренно восклицаетъ бессарабскій изгнанникъ. И вотъ, пребывая

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачны дни влачилъ;
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ
(VII, 66)

Пушкинъ забылъ вѣчный туманъ сѣвера, о чемъ и пишетъ тому же Гнѣдичу (1821 г.).

Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ

Овидій не слышалъ вокругъ себя звуковъ своей родной земли, въ тяжкой горести онъ писалъ друзьямъ:

«О возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
О други Августу мольбы мои несите! (ср. VII, 90).

Карающую длань слезами отклоните.
Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
И вѣкъ мнѣ не видать тебя, великій Римъ—
Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасной,
Приближьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной».

(I, 358).

И завѣщалъ онъ, умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости . . . (I, 440).

Но избавленья не было—и изъ устъ Алеко невольно вырвались слова горькой досады на неблагодарный градъ:

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ
Скажи мнѣ, что такое слава?

(I, 440)

О мѣстѣ и обстоятельствахъ послужившихъ причиною ссылки Овидія Пушкинъ въ примѣчаніи къ вышеприведенному мѣсту изъ «Евгенія Онѣгина» (Щ, 5) дѣлаетъ филологическое розысканіе, изъ котораго видно, что мѣстомъ ссылки поэта, былъ городъ Томы при устьѣ Дуная, а не Акерманъ; неправильно (по мнѣнію Пушкина) считаетъ Вольтеръ виною ссылки благосклонность Юліи, дочери Августа; равнымъ образомъ и предположенія другихъ ученыхъ ни что иное, какъ догадки; тайна поэта умерла вмѣстѣ съ нимъ—

Alterius facti culpa silenda mihi
(cf. Trist. II, 208).

Изъ всѣхъ «до изысканности щеголеватыхъ» стиховъ Овидія (V, 98) Пушкинъ особенно высоко ставитъ его «Tristia»; относительно ихъ именно онъ писалъ:

Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья
Сіи элегіи—послѣднія творенья,
Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?
(I, 358).

Въ другомъ мѣстѣ разбирая (1836 г.) эракійскія элегіи Теплякова поэтъ по поводу признанія Гросета, что «онъ перестаетъ уважать Овидія, когда этотъ скучный плаксa начинаетъ слабыми тонами свои безконечныя завыванія»—

(Je cesse d'estimer Ovide,
Quand il vient sur de faibles tons
Mechanter, pleurer insipide
De longues lamentations)

—пишетъ: «Книга Tristium' не заслужила такого строгаго осужденія. Она выше, по нашему мнѣнію, всѣхъ прочихъ сочиненій Овидія (кромѣ «Превращеній»). Героиды, Элегіи любовныя, и самая поэма «Ars amandi», мнимая причина его изгнанія, уступаютъ элегіямъ Понтійскимъ. Въ сихъ послѣднихъ болѣе истиннаго чувства, болѣе простодушія, болѣе индивидуальности, и менѣе холоднаго остроумія. Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли! сколько живости въ подробностяхъ! и какая грусть о Римѣ! какія трогательныя жалобы!». (V, 407).

Стихами изъ «Tristia» начинаетъ Пушкинъ и одно изъ своихъ писемъ къ Гнѣдичу (1822 г.). Вотъ начало письма (VII, 68):

«Parve, nec invideo, sine me, liber, ibis in urbem,
Ei mihi, quod domino non licet ire tuo!

Не изъ притворной скромности прибавлю:

Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse!»...
(Trist. I, 1, 1—3).

Въ дальнѣйшемъ своемъ разборѣ стихотвореній Теплякова Пушкинъ уличаетъ автора оракійскихъ элегій въ томъ, что его пѣснь, вложенная въ уста Назоновой тѣни, не согласуется съ характеромъ Овидія, такъ искренно обнаруженномъ въ его плачѣ. При набѣгахъ гетовъ и бессовъ поэтъ далеко не

Радостно на смертный мчался бой.—

«Овидій, пишетъ Пушкинъ (V, 408), добродушно признается, что онъ и смолоду не былъ охотникъ до войны, что тяжело ему подъ старость покрывать сѣдину свою шлемомъ, и трепетной рукою хвататься за мечъ при первой вѣсти о набѣгѣ (см. Trist. lib. IV, el. I).

Относительно этого именно поэтъ пишетъ въ стихотвореніи «Къ Овидію»:

Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!),
Ты съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы
И въ нѣгѣ провождать безпечные часы,
Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тяжелый,

И грозный мечъ хранить близъ лиры оробѣлой.
(I, 358)—

все это нужно на случай внезапнаго набѣга свирѣпыхъ сыновъ хладной Скиѳіи.

Овидіевы «Tristium libri», повидимому, были настольной книгой Пушкина, когда онъ влачилъ свою тяжелую жизнь изгнанника. «Печалями» римскаго поэта были навѣяны: элегія «Къ Овидію«, разсказъ стараго цыгана и рядъ стиховъ въ посланіяхъ Чаадаеву и Баратынскому; скажемъ болѣе: мѣста Овидіевой ссылки, его печальныя пѣсни и его тѣнь, сопутствовавшая изгнаннику, содѣйствовали какъ будто невѣроятной метемпсихозѣ: въ тяжелыя минуты одиночества въ тѣлѣ Пушкина жила душа Овидія. [40]).

Горацій.

И счастливъ . . . .
. . . . . подъ дубомъ наклоненнымъ
Съ Горацiемъ и Лафонтеномъ
Въ пріятныхъ погруженъ мечтахъ.
(I, 122).

«Есть люди, которые... находять и Горація прозаическимъ (спокойнымъ, умнымъ, разсудительнымъ,—такъ-ли?). Пусть такъ; но жаль было бы, если бы не существовали прелестныя оды».
(Поливан. V, 131).

---

[40]) Стожинин стр. 139 слл.

Горація Пушкинъ изучалъ въ Лицеѣ подъ руководствомъ проф. Кошанскаго, и между первыми опытами его въ стихотворствѣ были, какъ и у Дельвига, подражанія «Горацію (ср. V, 160).

Сообщая въ стихотвореніи «Городокъ» каталогъ своей библіотечки Пушкинъ пишетъ:

Питомцы юныхъ грацій—
Съ Державинымъ потомъ
Чувствительный Горацій
Является вдвоемъ. . . . . .

(I, 46).

Изъ Горація поэтъ охотно заимствуетъ эпиграфы—таковы приведенные выше ко II гл. Евг. Онѣгина (O rus! [41]) и къ стихотворенію «Памятникъ» (Exegi monumentum, ср. Hor. carm. III, 30). Первый изъ этихъ эпиграфовъ заимствованный, повидимому, изъ sat. II, 7, 28 (Romae rus optas) указываетъ на особенную любовь Горація къ деревенской жизни, и это не разъ отмѣчаетъ Пушкинъ въ своихъ стихахъ. Въ «Посланіи къ Галичу», своему учителю—другу, поэтъ пишетъ (1825):

Бѣги, бѣги столицы,
О Галичъ мой! сюда,
Гдѣ розовой денницы
Не видя никогда,
Лѣнясь подъ одѣяломъ,
Съ тибурскимъ мудрецомъ,
Мы часто за бокаломъ
Проснемся—и заснемъ.

(I, 95).

---

[41]) O rus! о Русь!—игра словъ въ шутливой передачѣ Пушкина, ср. изд. Поливанова IV, 193 пр. 1.

Въ другомъ посланіи, адресованномъ В. Л. Пушкину (1817), читаемъ про гусаровъ:

Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
Вдали забавъ, и нѣгъ, и грацій,
Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій
Въ тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ
(I, 179).

Сообщая о Зарѣцкомъ (въ «Евг. Онѣгинѣ»), какъ онъ, будучи нѣкогда буяномъ, атаманомъ картежной шайки и трактирнымъ трибуномъ, попался въ плѣнъ къ французамъ; и вотъ этотъ весельчакъ «новѣйшій Регулъ» вдругъ сдѣлался мирнымъ помѣщикомъ и честнымъ человѣкомъ. По поводу такого исправленія «нашего» вѣка поэтъ восклицаетъ:

Sed alia tempora (ср. VII, 24)! Удалость
. . . . . .
Проходитъ съ юностью живой.
. . . . . Зарѣцкій
Подъ сѣнь черемухъ и акацій
Отъ бурь укрывшись наконецъ,
Живетъ какъ истинный мудрецъ,
Капусту салитъ какъ Горацій. . . .
(III, 112; ср. VII, 229).

Совершенно противоположное пишетъ Пушкинъ Я. Н. Толстому (1819), раннему философу, бѣжавшему пировъ и наслажденій жизни:

Ты милыя забавы свѣта
На грусть и скуку промѣнялъ,
И на лампаду Эпиктета
Златой Гораціевъ фіалъ
(I, 202).

По этому случаю поэтъ призываетъ друга къ наслажденіямъ жизни, свойственнымъ юности, такъ какъ Зевсъ всѣмъ возрастамъ даетъ игрушки и младость не приходитъ вновь, годы возьмутъ свое (I, 365), и пора заботъ и размышленій своевременно дастъ себя почувствовать.

Пушкинъ не скрываетъ своей зависти безпечной жизни римскаго поэта и въ посланіи къ Ив. Ив. Пущину (1815):

Ты счастливъ, другъ сердечный!
Въ спокойствіи златомъ
Течетъ твой вѣкъ безпечный,
Проходитъ день за днемъ,
И ты въ бесѣдѣ грацій,
Не зная черныхъ бѣдъ,
Живешь, какъ жилъ Горацій,
Хотя и не поэтъ.

(I, 83).

Объ этой мирной деревенской жизни поэтъ часто мечтаетъ, такъ въ стихотвореніи «Отрывки изъ посланія къ Юшкову» (1816) Пушкинъ представляетъ себѣ картину, какъ онъ спѣшитъ въ свое Захарово, гдѣ будетъ заниматься хозяйствомъ и размышлять среди наслажденій сельской природы:

Мнѣ видится мое селенье,
Мое Захарово . . . .
Туда зарею поспѣшаю
Съ смиреннымъ заступомъ въ рукахъ,
Въ лѣсахъ тропинку извиваю,
Тюльпанъ и розу поливаю,
И счастливъ въ утреннихъ трудахъ!

Вотъ здѣсь, подъ дубомъ наклоненнымъ
Съ Горацiемъ и Лафонтеномъ
Въ пріятныхъ погруженъ мечтахъ.

(I, 123).

Мѣстами Пушкинъ дѣлаетъ намеки на оды Горація, подражаетъ имъ и, наконецъ, переводитъ ихъ. Въ шутливомъ письмѣ А. Л. Давыдову (1824), который приглашалъ поэта ѣхать съ нимъ въ Крымъ «къ берегамъ полуденной Тавриды», Пушкинъ говоритъ:

Прошу меня не позабыть,
Любимецъ Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отецъ
Немного тощей Энеиды
Пускался въ море наконецъ,
Ему Горацій, умный льстецъ,
Прислалъ торжественную оду,
Гдѣ другу Августовъ пѣвецъ
Сулилъ хорошую погоду . . .

(I, 412)

—ясный намекъ на Hor. carm. I, 3, какъ и слѣдующее мѣсто изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому, гдѣ поэтъ говоритъ про свою невѣсту: «Что у нѣй за сердце! Твердою дубовою корой, тройнымъ булатомъ грудь ея вооружена, какъ у Горацiева мореплавателя (VII, 53; ср. Hor. carm. I, 3, 9 сл.).

Побуждая своего друга Н. А. Катенина заняться романтической трагедіей Пушкинъ въ слѣдующихъ словахъ жалуется на быстролетное время: «... годы бѣгутъ

Heu fugant Posthume, Posthume labuntur anni.

А что всего хуже, съ ними улетаютъ и страсти и воображеніе» (VII, 156). Приведенный поэтомъ лат. стихъ есть пародія на Hor. carm. II, 14, 1 сл.

Въ альбомъ М. А. Щербинину (1818) поэтъ пишетъ, что наслажденіе любовью и виномъ— удѣлъ здоровой юности, но

. . . дни младые пролетятъ
Веселье, нѣга насъ покинутъ,
Желаньямъ чувства измѣнятъ,
Сердца изсохнутъ и остынутъ:
Тогда безъ пѣсенъ, безъ подругъ,
Безъ наслажденій, безъ желаній
Найдемъ отраду, милый другъ,
Въ туманномъ снѣ воспоминаній.
(I, 193).

Любовь и вино—излюбленный мотивъ Гораціевой лирики; очевидно, и приведенные стихи навѣяны чтеніемъ одъ римскаго поэта.

Описывая въ «Городкѣ» [42]) свой свѣтлый домъ съ тремя простыми комнатками Пушкинъ говоритъ:

Въ нихъ злата, бронзы нѣтъ,
И ткани выписныя
Не кроютъ ихъ паркетъ
. . . . . .
. . . . . .
Блаженъ, кто веселится
Въ покоѣ, безъ заботъ,
Съ кѣмъ втайнѣ Фебъ дружится
И маленькій Эротъ.
(I, 44 сл.).

---

[42]) Воскресенскій, Лирика Пушкина. Москва 1888 стр. 11.

—эти строки составлены, какъ кажется, не безъ вліянія Горація, у котораго читаемъ (carm. II, 18, 1—2 и 9—10):

Не блеститъ мой скромный домъ
Золотыми потолками,
Нѣтъ слоновой кости въ немъ
. . . . . .
. . . . . .
Пѣсенъ даръ—вотъ мой удѣлъ,
А сокровище мнѣ—лира[43]).

Въ стихотвореніи «Блаженство» (1814) поэтъ такими словами описываетъ счастье молодого пастуха:

Ахъ! когда я въ мракѣ ночи,
При таинственной лунѣ
. . . . . .
Медленно, рука съ рукою
Съ нѣжной Хлоей приходилъ,
Кто сравниться могъ со мною?
Хлоѣ былъ тогда я милъ!

Но дни протекшіе въ веселы исчезли какъ тѣнь—

Теперь мнѣ жизнь—могила,
Бѣлый свѣтъ душѣ постылъ.
. . . . . .
Хлоя другу измѣнила!..
Я для милой... ужъ не милъ!..

(I, 31)

—эти строфы напоминаютъ мѣста изъ Го-

---

[43]) Переводъ Мережковскаго (Изящная литература 1883, VII).

рацiева «Примиренiя» (carm. III, 9, 1—4 и 7—10), гдѣ поэтъ говоритъ:

Пока я любимымъ тобой оставался,
И плечъ твоихъ бѣлыхъ, любовью горя,
Другой дерзновенной рукой не касался,
Счастливѣй персидскаго жилъ я царя...[44]).

Еще въ 1819 г. Пушкинъ писалъ Орлову:

Питомецъ пламенной Беллоны,
У трона вѣрный гражданинъ!
Орловъ, я стану подъ знамены
Твоихъ воинственныхъ дружинъ;
Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ
Съ мечемъ и съ лирой боевой
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ.

(I, 204)

—эти стихи напоминаютъ Горацiево отношенiе къ Бруту. На этого республиканца неоднократно намекаетъ Пушкинъ въ своихъ письмахъ: кн. П. А. Вяземскому поэтъ пишетъ: «Ты спишь, Брутъ!» (VII, 22), А. А. Бестужева укоряетъ словами: «Et tu autem, Brute?» (VII, 164), М. П. Погодину, намѣревавшемуся принять участiе въ изданiи «Уранiи», высказываетъ удивленiе: «Et tu, Brute!...» (VII, 302).

Изъ Горацiя Пушкинъ перевелъ въ 1835 г. седьмую оду 2-ой книги: ad Pompeium. Вотъ этотъ переводъ:

Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ
Того съ кѣмъ первые походы

---

[44]) Переводъ К. С—ского (Живоп. 1892, № 12, стр. 126 сл.).

И браней ужасъ я дѣлилъ,
Когда за призракомъ свободы
Насъ Брутъ отчаянный водилъ;
Съ кѣмъ я тревоги боевыя
Въ шатрѣ за чашей забывалъ,
И кудри, плющемъ увитыя,
Сирійскимъ мурромъ умащалъ?
Ты помнишь часъ ужасной битвы,
Когда я, трепетный Квиритъ,
Бѣжалъ, нечестно брося щитъ,
Творя обѣты и молитвы?
Какъ я боялся, какъ бѣжалъ!
Но Эрмій самъ незапной тучей
Меня покрылъ и вдаль умчалъ,
И спасъ отъ смерти неминучей.
А ты, любимецъ первый мой,
Ты снова въ битвахъ очутился...
И нынѣ въ Римъ ты возвратился,
Въ мой домикъ темный и простой
Садись подъ сѣнь моихъ пенатовъ;
Давайте чаши! Не жалѣй
Ни винъ моихъ, ни ароматовъ!
Готовы чаши, мальчикъ? лей!
Теперь не кстати воздержанье:
Какъ дикій скиѳъ хочу я пить,
И, съ другомъ праздную свиданье,
Въ винѣ разсудокъ утопить.

(III, 394 сл.).

По поводу перевода этой оды Пушкинымъ, Бѣлинскій говоритъ (VIII, 321): «Переводъ изъ Горація, или оригинальное произведеніе Пушкина въ гораціанскомъ духѣ,—что бы ни была она (пьеса «Горацій»[15]) только никто ни изъ старыхъ,

[15]) Правильнѣе «Изъ Горація» см. прим. Ефремова III, 467.

ни изъ новыхъ русскихъ переводчиковъ и подражателей Горація не говорилъ такимъ гораціанскимъ языкомъ и складомъ и такъ вѣрно не передавалъ индивидуальнаго характера гораціанской поэзіи, какъ Пушкинъ въ этой пьесѣ, къ тому же и написанной прекрасными стихами. Можно ли не слышать въ нихъ живаго Горація?» — Дѣйствительно, это стихотвореніе «Изъ Горація» не есть переводъ [46]), а гораціанское вдохновеніе въ новомъ «преображенномъ» Пушкинымъ видѣ. Пушкинъ не охотно подчинялся чужой мысли, да и не былъ способенъ на такое подчиненіе[47]), считая переводчиковъ «подставными лошадьми просвѣщенія» (V, 32).

Катуллъ.

«Для тѣхъ, которые любятъ Катулла... для тѣхъ искренность драгоцѣнна въ поэтѣ»

(Поливан. V, 131)

Изъ брачной пѣсни Катулла (61, 124 слл.) Пушкинъ заимствуетъ припѣвъ (ср. стр. 18):

Hymen o Hymenaee io
Hymen o Hymenaee,

вставляя его въ письмо къ Дельвигу, только что пожениившемуся (VII, 140). Изъ Катулла

---

[46]) Это и было причиной, почему проф. Помяловскій, разбирая переводъ Горація исполненный Фетомъ, умолчалъ о переводѣ Пушкина, см. Отчетъ о присужденіи Пушкинской преміи въ 1884 г. Спб. 1884 стр. 6 слл.

[47]) Гаевскій, Пушкинъ въ Лицеѣ и лиц. его стихотворенія (Совр. 1863, № 7), стр. 172.

же поэтъ перевелъ въ 1835 г. стихотвореніе «Мальчику», взявъ почти весь первый стихъ оригинала за эпиграфъ—Minister vetuli puer (Falerni) carm. XXVII—и оставивъ безъ перевода ст. 4-й (ebrioso acino ebriosioris—пьянѣе ягоды налившись виноградной [48]):

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мнѣ наполни, мальчикъ!
Такъ Постумія велѣла,
Предсѣдательница оргій.
Ты же прочь, рѣчная влага,
И струей, вину враждебной,
Строгихъ постниковъ довольствуй:
Чистый намъ любезенъ Бахусъ

(III, 397).

Хотя Бѣлинскій (VIII, 377) и замѣчаетъ, что этотъ переводъ не отличается особеннымъ поэтическимъ достоинствомъ, однако же нельзя не видѣть въ немъ умѣнья воспроизвести оригиналъ во всей его яркой прелести.

Тибуллъ.

Первые плоды своей музы Пушкинъ охотно готовъ былъ приравнять поэзіи Тибулла, такъ онъ пишетъ Батюшкову (1815):

Въ пещерахъ Геликона
Я нѣкогда рожденъ;
Во имя Аполлона
Тибулломъ окрещенъ,

[48]) Стихотворенія Катулла въ переводѣ Фета (Москва 1886) стр. 24.

И свѣтлой Иппокреной
Съ издѣтства напоенный,
Подъ кровомъ вещихъ розъ
Поэтомъ я возросъ . . . .

(I, 84)

Поэтъ видимо, не скрываетъ своей зависти музѣ Тибулла, воспѣвавшей любовь:

Наслѣдники Тибулла и Парни!
Вы знаете безцѣнной жизни сладость
Какъ утра лучъ сіяютъ ваши дни.
Пѣвцы любви, младую пойте радость!
Склонивъ уста къ пылающимъ устамъ,
Въ объятіяхъ любовницъ умирайте;
Стихи любви тихонько воздыхайте!...
Завидовать уже не смѣю вамъ.
Пѣвцы любви, вы вѣдали печали!
И ваши дни по терніямъ текли.
. . . . . .
. . . . . .
Но не нашедъ блаженства вашихъ дней,
Вы встрѣтили по крайней мѣрѣ славу—
И музою безсмертны вы своей!

(I, 155 сл.).

Въ 1816 г. Пушкинъ писалъ А. А. Шишкову, счастливую колыбель котораго качали «веселье рѣзвое и нимфы Геликона»:

Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
Въ помѣстье мирное межъ Пиндомъ и Цитерой,
Гдѣ нѣжился Тибуллъ...

(I, 159).

Виргилій.

Несравненнаго Виргилія
Я читалъ и перечитывалъ...

(I, 67).

«Чахоточный отецъ немного тощей Энеиды» (I, 412) былъ хорошо знакомъ Пушкину. Въ интересномъ описаніи библіотеки поэта въ посланіи «Городокъ»» (1814) мы видѣли, что «на полкѣ за Вольтеромъ» первое мѣсто занималъ Виргилій (I, 46), къ котораго поэтъ нерѣдко любилъ заглядывать «въ часъ утренній досуга»:

Люблю съ моимъ Марономъ,
Подъ яснымъ небосклономъ,
Близъ озера сидѣть.

(I, 53)

Въ стихотвореніи «Бова» (1815) поэтъ откровенно признается, что онъ читалъ и перечитывалъ—

несравненнаго Виргилія,
Не стараясь подражать ему
Въ нѣжныхъ чувствахъ и гармоніи.

(I, 67)

Въ томъ же году Пушкинъ, предпочитая «брести своимъ путемъ», писалъ Батюшкову:

Ты хочешь, чтобы славы
Стезею полетѣвъ,
Простясь съ Анакреономъ,
Спѣшилъ я за Марономъ,
И пѣлъ при звукахъ лиръ
Войны кровавый пиръ.

(I, 84).

Въ «Сценѣ изъ Фауста» (1825) Мефистофель задаетъ Фаусту такой вопросъ:

Скажи, когда ты не скучалъ?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Какъ надъ Виргиліемъ дремалъ?...

(II, 132)

Въ стихотвореніи «И далѣ мы пошли»..., написанномъ (1832), быть можетъ, какъ пародія въ подражаніе Данту, Пушкинъ вывелъ Виргилія своимъ проводникомъ въ подземномъ мірѣ.

И далѣ мы пошли—и страхъ объялъ меня.
Бѣсенокъ, подъ себя поджавъ свое копыто,
Крутилъ ростовщика у адскаго огня
. . . . . .
. . . . . .
Виргилій мнѣ: мой сынъ, сей казни смыслъ великъ,
Одно стяжаніе имѣвъ вездѣ въ предметѣ,
Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой старикъ...

(III, 248).

Евгеній Онѣгинъ, по собственному выраженію поэта,

Помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.

(III, 4)

Тогда какъ у пробудившейся Татьяны естественно не видѣть въ рукахъ ни Виргилія, ни Сенеки (III, 98).

Въ одномъ изъ писемъ къ кн. П. А. Вяземскому поэтъ приводитъ начало извѣстнаго стиха изъ Энеиды (II, 49): timeo Danaos (VII, 7); на Вир-

гилія же намекаетъ Пушкинъ и въ письмѣ къ брату (VII, 78).

Другіе писатели.

Зная различіе сатиры Ювенала отъ сатиры Горація (Поливан. V, 153), поэтъ проситъ у своей музы вручить ему бичъ Ювенала, который былъ вооруженъ жаломъ сатиры (ср. I, 38):

О муза пламенной сатиры,
Приди на мой призывный кличъ!
Не нужно мнѣ гремящей лиры,
Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!

(II, 265).

Герой романа «Евгеній Онѣгинъ» могъ «потолковать» объ Ювеналѣ (III, 4). И. Е. Великопольскаго автора сатиры на игроковъ Пушкинъ называетъ «Персіевымъ наслѣдникомъ» (II, 159), а Тредьяковскаго—«надутымъ образцомъ Мевія» (I, 169).

Пушкинъ самъ пробовалъ писать въ духѣ римскихъ сатиръ, таково его лицейское стихотвореніе «Лицинію» (I, 77); [49]) вдохновленное Ювеналомъ, котораго Пушкинъ читалъ во французскомъ переводѣ.[50])

Во время своего «безмятежнаго процвѣтанія въ садахъ Лицея» поэтъ по собственному признанію

Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ.

(III, 153).

---

[49]) Стоюнинъ стр. 44 сл.

[50]) Гаевскій, Пушкинъ въ Лицеѣ и лиц. его стих. (Совр. 1863, № 8). стр. 352.

Пушкину нравилась философія Сенеки своей простотой и ясностью:

«Мы рождены, сказалъ Сенека,
Для пользы ближнихъ и своей»
Нельзя быть проще и яснѣй.
(III, 436) [51].

Въ «Путешествіи въ Арзрумъ» Пушкинъ приводитъ свидѣтельство Плинія Ст. о мѣстѣ нахожденія «кавказскихъ воротъ» ложно называемыхъ «каспійскими» (V, 266). [52])

«Обращаясь къ римской исторіи, замѣчаетъ Анненковъ, мы можемъ сказать, что Пушкинъ нашелъ въ ней одно величавое лицо, приковавшее все вниманіе его, именно Тиберія» (Поливан. V, 25). «Чѣмъ болѣе читаю Тацита, пишетъ Пушкинъ Дельвигу, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ умовъ древности» (VII, 137).

Въ «Трактатѣ о воспитаніи» приведенъ отзывъ о самомъ Тацитѣ: «Тацитъ есть великій сатирическій писатель, впрочемъ исполненный политическихъ предразсудковъ» (V, 36).

Пушкинъ писалъ свои замѣтки о Тиберіи, слѣдя за мыслями кесаря по разсказу славнаго

---

[51]) Пушкинъ завидовалъ «нескромнымъ» гекзаметрамъ Сенеки (VII, 240).

[52]) Въ этомъ же сочиненіи поэтъ приводитъ (V, 284 слл.) два мѣста изъ Горація (carm. 2, 9, 4 слл. и 2, 14, 1 сл.; ср. стр 70 сл.).

римскаго историка и изъ сжатыхъ его опредѣленій выводилъ поясненія, вступая какъ бы въ историческую полемику съ Тацитомъ. Десять замѣчаній Пушкина сдѣланныхъ имъ при чтеніи Тацита (V, 34 слл.) почти всѣ касаются I-ой книги его лѣтописи. Эти замѣчанія слѣдующія. I—Объ умерщвленіи Агриппы Постума (ср. Tac. ann. I, 6). II—Объ отношеніи Тиберія къ сенату (I, 8). III.—О завѣщаніи Августа (I, 11). IV—О недовольствѣ Тиберія Германикомъ (I, 33 сл.). V—О желаніи Германика покончить съ собой (I, 35). При этой замѣткѣ Пушкинъ приводитъ примѣры равнодушія къ смерти у Римлянъ временъ имперіи. VI—О смерти въ ссылкѣ Юліи, дочери Августа (I, 53), которая по мнѣнію Пушкина умерла не отъ нищенства и голода, какъ пишетъ Тацитъ, а въ изгнаніи и нищетѣ. VII.—Объ отказѣ Тиберія отъ управленія государствомъ (I, 12 сл.). VIII—О первыхъ дѣйствіяхъ Тиберіевой власти (I, 15). Въ IX замѣткѣ находимъ сужденіе поэта о Тиберіи по поводу взгляда послѣдняго на процессъ Вибія Серена (IV, 28 сл.). Неоконченная X-я замѣтка имѣетъ предметомъ своимъ сообщеніе Тацита о томъ, что Тиберій не любилъ смѣнять своихъ проконсуловъ.

Итакъ Пушкину былъ достаточно знакомъ древній міръ, и къ этому міру тяготѣли симпатіи

поэта. Картинами античнаго міра Пушкинъ увлекался во всѣ возрасты своей недолгой жизни: ихъ онъ полюбилъ въ раннемъ дѣтствѣ, въ домѣ своихъ родителей, юнымъ отрокомъ онъ привязался къ нимъ на школьной скамьѣ («Городокъ»—1814 г.), въ нихъ онъ находилъ утѣшеніе въ годы своей ссылки («Къ Овидію»—1821), въ пору полнаго расцвѣта своего генія онъ вспомнилъ о нихъ среди сельской природы («Подражаніе Анакреону»—1828), съ ними же, можно сказать, поэтъ сошелъ и въ свою преждевременную могилу («Изъ Горація» и др.—1835).

За усиленной работой фантазіи, искавшей миѳологическихъ сюжетовъ въ окружавшей поэта дѣйствительности, слѣдовали подражанія французской поэзіи въ духѣ антологіи древнихъ, а позже явились, собственныя, такъ сказать, перевдохновенія созданій поэзіи античной.

Одаренный Протеевой способностью перевоплощаться и вмѣщать въ душѣ своей геніи всѣхъ вѣковъ и народовъ, Пушкинъ отличался всемірной отзывчивостью, [53]), поистинѣ «волшебствомъ своихъ пѣснопѣній» (ср. I, 453). Онъ наигрывалъ

слабыми струнами
И гимны важные, внушенные богами,

---

[53]) Достоевскій Ѳ. М. Пушкинъ. Рѣчь произнесенная 8 іюня 1880 г. въ засѣданіи «Общества любителей русской словесности» во время открытія памятника Пушкину въ Москвѣ. (Спб. 1899) стр. 15 слл.

И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
(I, 311).

Прелесть природы, пылъ страстей, тоскливое настроеніе души человѣческой, мечты игривой юности—встрѣчали свой откликъ въ его всеобъемлющей поэзіи[54]). Поэтъ находилъ высшее счастіе въ томъ, чтобы изумляться

божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья.
(III, 109).

И древній міръ не могъ не изумить поэта: заимствуя изъ этого міра картины миѳологіи, почерпая изъ него сюжеты для своихъ произведеній и проникаясь памятниками его письменности и искусства, Пушкинъ даетъ намъ образцы истинно-художественныхъ переводовъ (Горація и Катулла) и классической прозы въ духѣ Тацита.

Геній Пушкина—согрѣвающіе лучи солнца, равно блистающаго во всѣ времена и для всѣхъ народовъ, и это солнце поэзіи будетъ вѣчно горѣть своимъ животворнымъ огнемъ.

Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!
Ты, солнце святое, гори! (II, 9).
Завѣтный даръ любви,
Переходи сегодня въ чашу дружбы.
(II, 328)
Пушкинъ внесъ въ завѣтныя скрижали

---

[54]) Венгеровъ. Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы. Спб. 1899, стр. 13.

То, чего нельзя теперь не знать.

. . . . . .

Будутъ ярче, будутъ выше люди,
Но, навѣки, памятью хранимъ,
Первый вздохъ вполнѣ окрѣпшей груди
Навсегда останется за нимъ[55]).

Musa gloriam coronat, gloriaque musam.
(II, 80).

---

55) Изъ стих. К. Случевскаго (Моск. Вѣд. 1899, №№ 94 и 95).

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

This bo
the Library
stamped below.
A fine is incurred
beyond the specified t
Please return promptly.

STALL STUDY
CHARGE

4898822

CANCELLED
MAY 27 1975
4 75 H